

Русская история по сочинению 1552 года: Ломоносовский и Буслаевский списки

Краткий список 1690-х гг. «Сказания о Казанском царстве» (СКЦ) из собрания Ф.И.Буслаева давно уже вызывал интерес – как сохранивший наиболее раннюю редакцию великого памятника русской истории, передающую исходный авторский план [С.Кокорина «О первоначальном составе и плане «Казанской Истории»\ ТОДРЛ, т. 12, 1956]. Однако, по мере падения качества владения рус. языком в академических учреждениях СССР\РФ (подобно прочим госучреждениям России), это перестало признаваться позднесовковой и постсоветской «научной мыслью» [Л.А.Дубровина «Казанский Летописец. Историко-текстологическое иссл.» (Автореф.канд.дис.), М., 1981; «Словарь книжников и книжности Древ.Руси», вып. 2\1, Л., 1988; ПСРЛ, т. 19, М., 2000, Предисловие...]. Между тем, именно этот извод, – но по более древнему(!) списку, сохранявшему архаизмы древнего заголовка («и о брани», «со царьми»), также сохраненные одним только Соловецким списком 1640-х гг. (чтение «о начале» присутствует в Буслаевском и Библиотечном списках) – использовался М.В.Ломоносовым чья библиотека, два века числившаяся расхищенной, была обнаружена в Александровском университете (Хельсинки) в 1970-х гг. [Е.С.Кулябко, Е.Б.Бешенковский "Судьба библиотеки М.В.Ломоносова"\ «Известия АН СССР. Сер. лит-ры и языка», 1972, вып.5].

Туда она попала, подаренная потомком всесильного Г.Г.Орлова – присвоившего («купившего») библиотеку по смерти ученого, однако, бережно её сохранявшего, будучи подарена университету чуждого России, соединенного с Нею лишь династийной унией государства, П.К.Александровым – внебрачным сыном вел.кн.Константина Павловича. Впрочем, судьба оставшихся в России книг Орловской коллекции не лучше. В 1925 г. они были распроданы на Александровском рынке в Л-де [«Из истории Академии наук», с.102, прим.18] (<https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.ras.ru%2FFFStorage%2Fdownload.aspx%3FId%3D1b276a06-3a29-45e5-82ad-62c35e3c6711&name=download.aspx%3FId%3D1b276a06-3a29-45e5-82ad-62c35e3c6711&lang=ru&c=57b1c18ae186>). В фондах найдены списки Русского Временника и 2-й редакции «Истории Российской» В.Н.Татищева, книги из марбургской библиотеки [там же, с.101].

Ломоносовым была составлена «Хроник(а) из разных рукописных и печатных книг собранный», среди коих было и СКЦ. Из Ломоносовской копии мы знаем полное заглавие этого выдающегося памятника: *Сказание вкратце о начале царства Казанского и о брани, и о победах великих князей московских со царьми казанскими, и о взятии того же царства Казанского от благочестиваго царя и великого князя Иоанна Васильевича Московского и всея Руси* (БАН, Текущ.пост., №1342, л.603) [Г.Моисеева «Казанская История» из библиотеки Ломоносова\ ТОДРЛ, т. 33, 1979, с.435, прим.10]. Наличие общих чтений с индивидуальными чтениями Буслаевского, Библиотечного (1660-х гг.) и Соловецкого списков говорит, что Михайло Васильевич пользовался более древней рукописью. В отрывках, приводимых Моисеевой, есть и иные признаки большей древности Ломоносовского источника! Фраза «его же первое взя князь великий Андрей Юрьевич Владимирский, рекомый Боголюбский, и в конечное запустение предаде, и болгар тех под себя покори» [лист 608] передается иными списками поразному. Перетцов список пишет: «его же первое взя князь великий Андрей Юрьевич Владимирский, и в конечное запустение преда, и болгар тех под себя покори» [«Казанская История», М.-Л., 1954, с.48]; Библиотечный: «того же первые ...подклони»; Буслаевский: «его же первое ...и въ конечно ...подклони»; Соловецкий: «...подкори». Ломоносовский протограф имел неспорченные общие чтения с Перетцовским списком («покори»), уже искаженные в Соловецком («подкори») – видимо, ведущим к своему протографу, ставшему источником общих ошибок («подклони»), – восходя же (источник Ломоносова) – к 1590-м годам, если не ранее(!).

Древний список, доступный М.В.Ломоносову, мог пребывать в собрании рукописей АН или в библиотеке царевны Натальи Алексеевны [Моисеева, 1979, с.436]. Царское происхождение списка – предполагает качество рукописи и авторитетность текста. Однако, список утрачен (не найден?), а Ломоносовская копия доньше не издана! Судить о ней мы можем лишь по вариантам Буслаевского списка, подведенным Г.З.Кунцевичем к изданию Соловецкого списка в ПСРЛ.

Основанием для датировки СКЦ служит воеводский разряд 1562 – 1564 гг., стоящий в Перетцовском списке и приписанный Походу 1552 года, а также, якобы, переключка с публичной дискуссией А.М.Курбского и царя Ивана Васильевича [критику см.: Я.Солодкин «О времени создания «Казанской Истории»\ ТОДРЛ, т. 52, 2000, с.619]. Однако, гипотеза о несовременности событиям памятника, подвергшегося тьянденциозному искажению, оказалась весьма уязвима [см. там же, предьд.]. Здесь же – в изводе, известном по Буслаевскому списку, разряда не имеется вообще. Нет финальной Похвалы Ивану Грозному, возникшей при жизни царя (повествуя о тишине на Руси при нем, соотносясь с эпохой 1-й\2 1560-х гг., эпохой покорения Волги и перемирья с Крымом), но отредактированной после его смерти: говоря о нем в прошедшем времени.

Отношение к сведениям СКЦ, чей анонимный автор, якобы, «...не стремится к точности и документальности, смело отступая от исторической правды, и тенденциозно перерабатывая источники» [Т.Волкова «Особенности сюжета повести о казанском походе в «Истории» А.М.Курбского»\ ТОДРЛ, т. 40, 1985, с.251], являет своего рода олимпийский рекорд тенденциозности. Напр.: «...Поход князей Микулинского и Серебряного-Оболенского на Казань <вопреки СКЦ> относится к 1545 г., то есть еще ко времени второго правления Сафа-Гирея в Казани, до кратковременного царствования и бегства из Казани Шах-Али» [«Памятники лит-ры Древ.Руси. сер. 16 века» (ПЛДР), М., 1985, Комментарий, с.615]. Открывая Летописец Начала царства, Лицевой Свод, Львовскую летопись, мы одинаково обнаруживаем, что поход на Казань князя Микулинского как раз имел место в 1549 году [ПСРЛ, т. 13\1, с.156; т. 13\2, с.458; т. 20, с.474], – как говорит СКЦ.

Названное чуть выше обстоятельство традиционно служит русскоязычным историкам, для дезавуирования «Сказания...» как источника, обвинений автора в политиканстве, напр.: «Приводимое далее распределение военачальников по полкам не совпадает с данными летописей. Г.Н.Моисеева установила, что автор «Казанской истории» поместил здесь не вымышленный разряд войск, а отразил расстановку воинских должностей за более поздний период (1564–1565), когда многие воеводы, участвовавшие во взятии Казани, были либо казнены, либо находились в ссылке. Так, например, не упоминаются воевода «большого полка» М.И.Воротынский (в 1562–1566 гг. находился в заточении на Белоозере), А.М.Курбский – воевода «правой руки» (в 1564 г. бежал в Литву), Немого-Оболенский, воевода «сторожевого полка» (казнен в 1565 г.). С другой стороны, в 60-е гг. Грозный приближает к себе новых воевод из среды опричников и приехавших на Русь татарских царевичей, что также нашло отражение в «Казанской истории», где упомянуты «начальные» воеводы казанского взятия из среды опричников – Темкин-Ростовский, Одоевский, Пронский, Трубецкой, а также ряд татарских царевичей, которые на самом деле в походе на Казань не участвовали» [ПЛДР, с.619]. Теперь воспроизводим комментируемый текст по данной публикации (Библиотечный список): «И поставляет воеводъ артоулному полку, надо всеми благородными юношами: царскаго своего двора князя Дмитрея Никулинскаго и князя Давыда Палетцакаго, и князя Андрея Телятевскаго, поддавъ имъ черкасъ <запорожских казаков> 5000, любоискусных ратоборец, и огненных стрелцов 3000. В преднем же полку началныхъ воевод устави над своею силою: татарскаго крымскаго царевича Тактамыша и царевича шибанскаго Кудаита, и князя Михайла Воротынскаго, и князя Василья Оболенскаго Помяса, и князя Богдана Трубецкаго. В правой руке началныхъ воеводъ устави: касимовскаго царя Шигалея и с нимъ князя Ивана Мстиславскаго и князя Юрья Булгакова, и князя Александра Воротынскаго, и князя Василья Оболенскаго Сребреного, князя Андрея Суздальскаго и князя Ивана Куракина. В матице же велицей началныхъ воеводъ: самъ благоверный царь, и с нимъ братъ его князь Владимир, и князь Иванъ Белской, и князь Александръ Суздальской и, пореклу, Горбатый, и князь Андрей Ростовский Красный, и князь Дмитрей Палецкой, и князь Дмитрей Курлятевъ, и князь Семионъ Трубецкой, и князь Федор Куракинъ и братъ его, князь Петръ Куракинъ-же, и князь Юрье Куракинъ, и князь Иван Ногтевъ и многие князи и боляре. В левой же руке началные воеводы: астороханский царевич Кайбула и князь Иванъ Ярославской Пенковъ, и князь Иванъ Пронской Турунтай, и князь Юрье Ростовской Темкинъ, и князь Михайло Репнинъ. Въ сторожевом-же полце началныхъ воеводы: царевичъ Дербьш-Алей и князь Петръ Шенятевъ, и князь Андрей Курбьской, и князь Юрье Пронской Шемяка, и князь Никита Одоевской» [там же, с.462]. Как видим, и князья Воротынские, и Шуйские (включая А.Горбатого), и Курбский, и Оболенский, и даже опальный претендент на царский трон – удельный князь Владимир (Старицкий-Оболенский), в комментируемом Т.Волковой и И.Лобаковой (Евсеевой) тексте Сказания были названы. Принадлежность к Опричнине перечисленных таковыми воевод, кроме Одоевского (в разряде СКЦ последний среди воевод сторожевого полка – арьергарда), вообще вымысел [Солодкин, с.617]. Однако, комментаторский вымысел дословно воспроизводится при переиздании списка 20 лет спустя [«Библиотека лит-ры Древ.Руси» (ВЛДР), т. 10, прим.153]...

Перечень воевод в Библиотечном списке компилятивного извода старшей редакции выдает метод редактору автора: называвшего современных редактору 1560-х гг. воевод (князья Темкин и Трубецкой, царевичи Кайбула и Дербьш), объединив с опальными, не участвовавшими в походах 1563–1565 гг., но запомнившимися по операции 1552 г. и отнюдь не исключавшимися из описания.

Из 9 списков старшей редакции Сказания опубликованы только три: Соловецкий [ПСРЛ, т. 19, СПб., 1903 (М., 2000)], древнейший Перетцовский [«Казанская история», М.-Л., 1954; «Сказание о царстве Казанском», М., 1959], Библиотечный [ВЛДР; ПЛДР]. Издание Г.З.Кунцевича (Соловецкий список), однако, было снабжено вариантами по спискам Срезневского и Буслаевского. Оно не отличается точностью (а печать качеством), тем не менее, мною из него было извлечено содержание Буслаевского списка. Текст этой ценнейшей рукописи помещается ниже (орфография моя). Подобно древним писцам, прошу не клясть за ошибки: монитор был старый, а скопированное издание ветхое!

В первоисточнике Буслаевского списка лежала подлинная авторская рукопись, полагаю что, 1). – писавшаяся непосредственно осенью 1552 года, 2). – впоследствии, около 1555 г. – дополнявшаяся автором, ибо:

1). Нет еще некролога и лирических отступлений о Семене Микулинском (участник Казанского взятия и Ливонской войны, + 12.08.1559 г.), эмоциональные чтения некролога здесь – исходно – вменены вел.кн.Ивану Васильевичу (+ 1506 г.) и Василию Ивановичу (+ 1534 г.). Однако... Микулинский здесь значит убитым 02.10.1552 при штурме Казани, вместе с братом Дмитрием, т.е., вероятно, ранение князя Семена было настолько тяжелым, что на его выздоровление тогда еще не рассчитывали.

Эта подробность биографии С.И.Микулинского, открываемая только из Буслаевского списка, подтверждается источниками, вопреки историографии. Историография числит Семена Ивановича участником боярской смуты марта 1553 г., попавшим в опалу [А.А.Зимин «Состав Боярской Думы...»\ «Археологический Ежегодник. 1957», 1959, с.65; А.А.Зимин, А.А.Хорошкевич «Россия времени Ивана Грозного», 1982, с.71; Д.М.Володихин «Воеводы Ивана Грозного», 2009, с.153]. Однако, источники этому противоречат, опровергая опалу [М.А.Зинько «Не человек, но ангел Божий» ...]\ «Вопросы медиевистики», 2012, №1, с.77]. В Холмогорской летописи 1559 г. приход на Двину английского посланника Ричарда Ченслера в л. 7061-е датирован точно, относительно Казанского взятия, позволяя определиться со стилем датировки летописца: 24 августа 1553 г. [ПСРЛ, т. 33, с.137]. Двинской же Летописец датирует начало наместничества Микулинского на Двине по этому событию, относя его прибытие, выполнение судебных действий и сбор судебных пошлин (запомнившийся, ибо последний в России, перед упразднением Иваном Васильевичем института судебных кормлений) к 1-й\2 1553 года [там же, сс. 145, 149, 168]. Не позднее начала 1553 г. князь отбыл на Двину, не связанный с событиями отравления царя и начавшейся прижизненной дележки его венца, что и было показано следствием по делу заговорщика С.В.Ростовского [Р.Г.Скрынников «Василий3. Иван Грозный», 2008, с.217].

2). Сообщается Буслаевским списком о поставлении на Казань археп.Гурия (1555 г.), о научении грамоте Александра Сапкиреевича (род. 1547, крещен в 1553 г.). Это редактуры сер. 1550-х гг.

Весьма вероятно, текст списка даже сохранил исходный – авторский план разбивки Сказания на сто глав, показывая лишь отдельные заголовки, при полном счете №№ глав, доводимом почти до конца. Сохранились следы сведения глав: при логической связности изложения (кроме неск.мест в 2-й\2), счет главам, ведомый от начала, на 11-й главе неожиданно сбивается на 14-ю, затем возвращается 2-й раз на 9-ю, далее 11-ю, 13-ю, и продолжается столь же сбивчиво, хотя финал довольно строго фиксирует окончание поздними номерами: №№ ...87, 91, 92, 95, 96, 97. Разумных причин, кроме сохранения списком следов механического воспроизведения непосредственной авторской редакции, я не нахожу.

Датирование краткого извода Буслаевского списка 1552 годом придает поэме огромную историческую ценность: при расхождении с «Летописцем Начала царства» (кон. 1550-х годов) и «Историей о вел.князе Московском» (1567 г.) – скажем, в обстоятельствах пленения хана Едигера, разгрома вырвавшихся из Казани татар, – предпочтение должно отдаваться Сказанию (а не саморекламным сочинениям А.Ф.Адашева и А.М.Курбского). Это принципиальный вывод – полностью отвергающий современную наукообразную концепцию отношения к СКЦ, целиком сформированную трудами в учреждениях АН СССР двух удмуртских националистов (одна трудится сейчас в жидобандеровском государстве). Обвинения СКЦ царских воевод в изменнических связях с ордынской элитой – богатевшей на русской работоторговле, в «коммерческих отношениях с противником на поле боя» (запрещаемых даже уставом ветхо-израильской армии), непрерывно звуча в СКЦ – записанные уже в 1552 г., задолго до учреждения Опричнины, и воспроизводимые при авторском редактировании, оказываются – достоверным свидетельским показанием!

Не меньшую мы видим литературно-историческую ценность его: использующего обороты, впоследствии звучащие в «Китежском Летописце»: «присече», «прируби», «много бившеся съ нимъ, и одолеша»... Отнесение возникновения Казани к 1172 г. в Соловецком списке, к 1177 в Перетцовском (Ломоносовский, Буслаевский и Библиотечный списки даты лишены), позволяет понять содержание древнейшего предания о Граде Китеже. Выполняя беллетристическую обработку сочинения, автор полагал связать его идейный смысл с трудами полководца Андрея Боголюбского, разорившего вел.град Бряхимов (Абрамов, иначе говоря...): победителя болгар и строителя Городца княжича Мстислава Андреевича (+ 1172), – либо мстителя за Андрееву кровь вел.кн.Михалка Юрьевича (+ 20.06.1177 г. в Городце Волжском). Последовательность рисуется, напр., здесь. В Буслаевском списке надменный ответ казанцев Ивану Грозному – перед взрывом мин под валами – выражен в стихах, очень мало расширенных переписчиками: Не убоим ся, о храброя казанцы,
Страха и прещенья силы русския,
Аки моря, бьющаго ся о камень волнами,

И аки леса, шумяща от ветру.

Второй извод по Перетцову списку речь расширил:

*Не убоимся, о храбрыя казанцы,
Страха и прещения московского улуг-бия
И многия его силы руския,
аки моря, биющагося о камень волнами,
И аки великого леса,
шумяща напрасно.*

Татарское слово улугбий переписчики 2-го и дальнейших изводов не поняли, в Перетцовском списке 1590-х гг. оно записано «угауби» [«Казанская история», с.146], в Соловецком, Никифоровском и Библиотечном оно пропущено, как непонятное. Буслаевский список его не требовал, наоборот, в его тональных стихах оно было лишним.

«...по взятие же казанское (изыдохъ из Казани на имя царя)». – это уникальное речение начала Буслаевского списка – и это чтение приоткрывает нам эпизод биографии автора: позволяет толковать, что пленник сопровождавший хана в походах на Русь, дезертировал лишь 02.10, лишь во время или по окончании(?) штурма. Похожий оборот в финале списка:

«Избитыхъ Казанцовъ, и съ Черемисой, во всехъ бояхъ и приступехъ - по взятии Казанскомъ, 757000»,
– удостоверяя последний смысл: приступ автор пережидал в самом городе (ныне б сказали: «корректировал огонь»). Это удостоверяет предположение Г.Н.Моисеевой, что последние годы сказитель провел в Казани, служа русским агентурным разведчиком [«Автор «Казанской истории»\ ТОДРЛ, т. 9, 1953]. А свидетельство о сношениях изменников в русском лагере с казанцами получает значение факта!

Список описывается следующим образом: Сборник-конвюлт, РНБ, Q 17-й.209, в четверть. Скоропись 17 века, бумага 1680-х – 1700-х годов, содержание – мирские героические повести: 1 – Александрия; 2 – Сказание о Мамаевом побоище и т.д... СКЦ копировалось (бумага 1690-х гг.) по списку, лишенному начала и конца, скопированным по иному списку: эти листы были по ошибке вшиты в конце сборника [ПСРЛ, т. 19, Предисловие 2000 г.].

Роман Жданович

Сказание сиречь История о начале царства Казанского, и о бранех и о победах князей Московских со цари Казанскими, и о взятии царства Казанского

Красныя убо Новыя Повести достоить намъ радостно послушати, яже поведають Русь и варвары: все та Русская земля была едина, идеже ныне стоит градъ Казань. Продолжающееся въ длину около Нова Нижнево на востокъ, по обоима сторонамъ великия реки Волги, в ширину же простирашеса на полунощие и до Вяцкие земли, и до Пермские, на полудние – до Половецкихъ предель, вся же бе Держава и область Киевская и Владимерская, по техъ же ныне - Московская. Живяху же за Камою, въ части земля своя, Болгарские князи и варвары, владеючи поганымъ языкомъ, незнающе Бога, никоего же закона имущимъ, обое же, бяху, служаще и дани дающе Рускому царству до Батыя-царя.

О первомъ же царства Казанского зачале, въ кое время или како зачаса, не обретохъ в Летописцехъ Рускихъ, но мало уведехъ отъ искуснейшихъ Казанскихъ людей и Рускихъ сыновъ, и глаголаше тако, ни единъ же ведая истинны.

Грехъ ради моихъ, случи ми ся плененну быти и въ Казань сведену, и вдану ми бывшую царю Сапкирею въ дарехъ. И взять ми царь съ любовию служити во дворъ свой, сотвори мя предъ лицомъ своимъ стояти. И бывъ тамо у него 20 летъ, не отпленены(й), по взятие же казанское изыдохъ из Казани на имя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси. Онъ же мя ко Христове вере обрати и ко святей церкви приобщи, и мало земли ми уделомъ дасть, да живь буду, услужа ему. И нача служити ему. Мне же, отъ царя Казаньского зело чтиму - и попремногу мене люблаше, - велможи его мудреишии и чеснеишии беседоваху со мною, и паче меры брежаху мя; и слышахъ изо усть ихъ словомъ, и отъ самого царя многажды.

О войне Батыеве на Русь, и о взятии отъ него великого града столного Владимира, и о порабощении великихъ князей. Глава 2-я.

И рекоста ми сице. Яко 20 летъ минуша по Батые цари, пленившемъ вашу Рускую землю, и по взятии отъ него великого стольнаго и славнаго града Рускаго Владимира - и со всеми его благими узорочьи, и

по убіеніи великого князя Георгия Всеволодовича Владимерского и со двема сыны его, и зъ братаничи, и со многими Рускими князьями, - и приять по немъ внове великое княжение Владимерское Рускаго царства братъ его, Ярославъ Всеволодичъ, отъ Великого Нова Града пришедь, со осмию сыны своими.

Владевшу ему тамошними людьми время некое, остави же имъ въ свое место княжича, большаго сына своего, князя Александра, - и бе той Александръ сиаенъ и славенъ въ Руси и во многихъ странахъ. И егда приде оттуду великий князь Ярославъ Всеволодичъ - и виде столныи свои градъ великий Владимиръ погаными взятъ, и весь начисто огнемъ поपालенъ, и хитрая здания его вся разрушишася и красоту его вся погигбу, и брата своего великого князя Георгия убита, - и съ первопрестолникомъ тогдашнимъ, съ нареченнымъ митрополитомъ Антониемъ, и со всемъ освященнымъ соборомъ, - и восплачя въ горести сердца своего и рекъ: "Господи, Боже, Вседержителю всея твари, видимыхъ и невидимыхъ, сие угодно Твоему человеколюбию, да стадо еже ценою искупи своею кровию, и сихъ предадь еси кровопийцемъ и сыроядцемъ, и поганымъ человекомъ симъ, зверинь нравъ имущимъ, и не знающимъ Тебе, истиннаго Бога нашего, ни страха Твоего никогда же неимущимъ. Увы мне, Господи, священники твоя заклаша, им же несть достоинъ весь миръ, и олтаря Твоя раскопаша, и святая Твоя вся въ попрание сквернымъ ногамъ ихъ быша, и всехъ людей Твоихъ остриемъ меча поразиша, и остахъ азъ единъ, и ищутъ и мене поглотити, но избави мя, Господи, отъ рукъ ихъ и спаси душа рабъ своихъ, избииенныхъ отъ безбожныхъ, Имени Твоего ради, и покой со святыми во царствии Твоемъ, и помилуй мя, яже веси судьбами, и спаси ихъ, яко Человеколюбецъ".

И предасть всехъ земному погребению честно, и живяше самъ во граде Переславле, иже ныне зоветца Залеской, доколе обновдяше градъ Владимерь, во утеснении и велицемъ неустроении и мятежи земли своея. И осироте бо тогда, и обнища великая наша Руская земля, и отъяся слава и честь ея - не во веки - и поработися богомерзку царю и лукавнейшу всея земли, и предана бысть, яко и Ерусалимъ въ наказание Навходоносору, царю Вавилонскому, яко да темъ смиритца. И отъ того времени обложень, и нача первое великий князь Ярославъ Всеволодичъ Владимерский царю Батыю въ Златую Орду дани давати, изнеможение видя людей своихъ и конечныя ради погибели земля своея, запустение еще же и злобы царева бояся, и властелей его, варваръ, насилия терпети не могуще. По немъ же державныи наши Рустии сынове и внуцы его, много летъ выходы и оброки даваху царемъ, въ Великую Орду Златую, и повинующеся имъ, и приимаху отъ нихъ власти вси, ни по колену, ни по роду, но яко кто хоцетъ, и какъ котораго царь возлюбитъ. Бысть же злогорькая та и великая власть варварская надъ Рускою землею, отъ Батыева времени по царство тоя же Златыя Орды царя Ахмата, сына Зелеть-салтанова, и по благовернаго и по благочестиваго великаго князя Ивана Васильевича Московского, иже взя и поработи подъ себе Великий Новъ Градъ.

О взятии Великаго Нова Града отъ великаго князя Ивана Васильевича и похвала тому же великому князю. Глава 3-я.

Новгородскимъ бо людемъ, не хотевшимъ его надъ собою государемъ имети и великимъ княземъ звати, а изначала же и исперва едино царство бысть и едино государство, и едина держава и область Руская и Поляне, и Древляне, и Новгородцы, и Полочане, и Вольняне, и Подоле, - то все Русь едина. И единому великому князю служяху, тому же и дани даяху и повиновахуся, Киевскому и Владимерскому. Они же неразумныи приведоша и призваша отъ Пруския земли, отъ Варягъ, князя самодержца къ себе и землю свою всю продаша ему, да владеетъ ими, якоже хоцетъ. И въ тая же горкая Батыева времчина отвергоша они работнаго ига, видевшу держаше державныхъ Рускихъ нестроение и мятежь, и отступиша тогда, и отделишася отъ Руси, царства Владимерскаго. Оставше бо Новгородцы отъ Батыя не воеваны, и не пленены, дошедь бо онъ за 100 верстъ до Новаго града и, заступлениемъ премудрости Божия, вспять обратися.

И того ради, ничто же скорбныхъ и бедныхъ отъ него прияша, тем же и возгордеша, и возчаяшася, яко сильны, не ведуще, яко Господь убожитъ и обогатитъ, и смиренеть и выситъ, гордымъ противитца и смиренныя милуетъ. Они же, забывше, своихъ великихъ князей Владимерскихъ презреша и преобидеша, и ни во что же въмениша, и воеватися съ ними начата, и мало некако и худо нечто помогая, сребромъ подаяху ему, во своей воли живущи и сами собою властвующе, и никому же покаряющися, и бяху надеющися, невегласи, на богатество свое, а не на Бога, и не вспомянуша апостола, глаголюща: "Братие, Бога бойтеса, а князя почитайте, творяще предъ нимъ благое во страсе Господни, Божий бо слуга есть и отомиститель злымъ, воздатель же бдагомъ во благое, не туне бо мечъ носить въ рукахъ своихъ, на противящаяся ему же".

Еще и подь игомъ первымъ работы вернаго своего великаго князя, христианина, быти не восхотеша - одержимаго Латынскою верою короля Литовского держителя себе возхотеша имети, и власти Руския купити не восхотеша. При семь же царе Ахмате, Божиими судьбами, до конца Большая Орда запусте. Изведоша <же> царие отъ родовъ своихъ образомъ сицевымъ.

О послехъ, отъ царя пришедшихъ дерзосне къ великому князю Московскому, о ярости царе на него, и о храбрости великаго князя на царя. Глава 4.

Царь Ахмать, восприимъ царство Златыя Орды по отце своемъ, Зелеть-салтане цари, и посла къ великому князю Московскому послы своя, по старому обычаю отецъ своихъ, и зъ басмою, просити дани и оброки за прошлая лета. Великия же князь ни мало убоися страха царева, и, приимъ басму лица его, и плевавъ на ню, низлома ея и на землю поверже. И потопта ногама своима, и гордыхъ пословъ его всехъ изымати повеле - пришедшихъ къ нему дерзостно, а единаго отпусти, жива, носяща вестъ къ царю, глаголя: "Да яко же сотворилъ посломъ твоимъ, тако же имамъ и тебе сотворити, да престаниши, беззаконниче, отъ злаго начинанія своего, еже стужати!". Царь же, слышавъ сия, и великою яростию воспалися о семь, и гневомъ дыша и прщениемъ, яко огнемъ, и рече княземъ своимъ: "Видете ли, что творить намъ рабъ нашъ. И како смееть противитися велицей державе нашей безумный сеи? И собрався в Велицей Орде, всю свою силу Срацынскую, - не ведый на свой же градъ пошествии и востания на свою орду, темъ ни малы стража въ немъ остави, запаса ради. И прииди на Русь къ реце Угре въ лето 6909 году, Ноября въ 1 день, хотя поглотити христианство все, и царьствующий градъ взяти, преславную Москву, яко же дедъ его, царь Тахтамышъ, лестью взя Христово стадо. И похвалися: "Аще ли не приведу его, связана, и не умучу его горкими муками, то чему есть живу быти ми, и царьская власть держати ми?".

Слышавъ же князь великий неукротимое царево свирепство, и собрався такоже, со всею областью Рускою, изыде безъ страха въ лице нечестивому царю Ахмату къ той же реке Угре. И стояста обои вои обь едину реку, Русь и Срацыни, та бо река бе много летъ обходяще Руския земли, съ приходъ пути поганихъ варварь.

Царь же, видевъ великаго князя, мнимаго раба своего, въ велицей силе противъ его небоязненно изшедши, стояща при реце съ оружиемъ и главу его мечемъ отсеци хотя, и тивляшеса толикому новому дерзовению его - и покушашеса многожды прилести реку во многихъ местехъ, и не можеша, воспрещениемъ отъ Рускихъ вой. И иного паде Срацынъ его ту, и безъ числа претопоша въ реце.

И совеща князь великий съ воеводами своими дело добро, иже польза бысть ему велика, по немъ же и детемъ и внукомъ его во веки, и посылаетъ, отай царя, Златыя Орды пленити служиваго своего царя Нурдовлета Городецкаго, съ нимъ же воеводу князя Василья Ноздреватого Звенигородскаго со многою силою, доколе царь стояше на Руси.

Царю же сего не ведущи - они же Вольгою въ лодияхъ пришедши на Орду, и обретоша ю пугу, безъ людеи, токмо въ неи женескъ поль, старъ и младъ. И тако ея поплениша, женъ и детеи варварскихъ и скоть весь: овехъ въ полонъ взяша, овехъ же огню, и воде, и мечю предаша. И конечное хотеша юрты Батыевы разорити. Уланъ же царя Городецкаго, сильный Облазь лесть сотвори, глаголя царю своему: «Что твориши, о царю? Яко не лепо есть тебе, Большаго сего царства до конда погубити и разорити, от него же бо и самъ ты родися, и мы все, и наша земля то есть и отецъ твои. И се повеленная пославшугу ны исполнихомъ, и довольно есть намъ отойти: егда како Богъ не попуститъ намъ".

И пребегоша вестницы ко царю Ахмату, яко Русь Орду его расплениша, и скоро, въ томъ часе, царь отъ реки Угры назадъ обратися бежати, никоея же пакости нашей земли учинивъ. Великаго же князя воинство отъ Орды отступиша.

О конечномъ запустении Златыя Орды, и о царе ея, и о свободе и о величестве Руския земли, и чести, и о красоте преславнаго града Москвы. Глава 5.

И приидоша Нагаи, прежереченныя Мангиты, по Московскомъ воинстве. И они такоже остатки Ординския погубиша, и юрты царева разориша, и царь его побиша. И къ самуму въ встречу Ахмату-царю поидоша, преплыша Волгу. И сошедшеса съ нимъ на поле чисте внезапно, много бившеса съ нимъ,

и одолеша. И падота ту воя его вся, тутъ же и самого царя, доехавъ, убиша шурины его, Ямгурчий мурза, и на костехъ вострубиша. И тако скончашася царие Ардинстии, и таковымъ Божиимъ промысломъ погиге царство и власть Великия Орды Златые.

И того да, великия наша Руская земля свободися отъ ярма, и покорися бесерменская, и нача обновлятися, яко отъ зимы и на тихую весну прилагатися. И взыде паки на древнее свое величество и доброту и благолепие, яко же при великомъ князе первие при Владимире преславнемъ, ей же, премилостивый Христе, дажде расти яко младенца, и величатися, и расширитися, и всюде пребывати въ мужесовершенство и до славнаго Твоего втораго пришествия, и до скончания века сего. И во(с)сия ныне стольный преславный градъ Москва, Второй Киевъ. Не усрамлюся же, и не буду виновень, нареци того и Третьей Новый Великий Римъ, провосиявше въ последняя лета, яко великое солнце, въ велицей нашей Рустей земли, во всехъ градехъ сихъ и во всехъ людехъ страны сея, красуися и просвещаяся святыми многими церквами, деревянными же и каменными, яко видимое небо светитца пестры звездами, утвержено и православнемъ непозыблено отъ злыхъ еретикъ, возмущающихъ церковь Божию! О сихъ сице дозде и первому слову имемся, аще Богъ вразумить насъ.

О великомъ князе Ярославе, и о поновленіи Рускихъ градовъ отъ него, и о поучении отъ него людемъ своимъ, и о воставишемъ паки мятежи на Рускую землю отъ Саина царя Ординскаго. Глава 6.

Великому же князю Ярославу Всеволодичю - живушу въ смятении, людей своихъ, приходяше грады и села своя и населяше ихъ жителми, и поновляше грады стенами, разоренныя отъ Батыя, и посаждаше въ нихъ жителей, и облехчеваше данми и оброки жителемъ селскимъ и градскимъ, и утешаше люди своя не малодушествовати о мимошедшихъ, скорби велицей, нанесенней отъ поганыхъ, и не отчаятися Божия милости и уповати на Господа Бога, всеми сотворенными пекущагося и дающаго пищу на всякъ день скотомъ и птицаме, и рыбама, и гадомъ, и техъ не забывая: кольми паче насъ, рабъ своихъ верныхъ, забыти ли иматъ, по образу своему сотворенны? Ни единъ бо власть зъ главы нашея безъ веданія Его не погибнетъ, нежели человекъ, или кая земля, или градъ! Посылаеть, бо, Богъ на насъ великия скорби и беды, спасения ради нашего, и казнить насъ - овогда находениемъ поганыхъ и овогда моромъ, овогда же гладомъ и пожаромъ, темъ очищая грехи наша, и къ покаянню приводить насъ, яко да прочии людие оставльшися страха Его имети накажетца. И аще сия наказания съ радостию отъ него приемлютъ, и не похуляще Его, то спасени будемъ! Силенъ бо есть Господь, и паче перваго помиловити насъ, и Тотъ насъ избавиль отъ врагъ нашихъ, вся неправедныя советы ихъ расторгнетъ. И сице своими словесы многими укреплеша народъ. и паки всегда поучаше люди своя великий князь Ярославъ Всеволодичъ, и потребная комужедо ихъ подаваше, и всяческая тешаше ихъ, яко чадъ своихъ любимыхъ. Самъ бо тогода такоже не зело богатъ, яко же и людие его. По смерти же злочестиваго паря Батыя - убиту бо ему бывшу отъ Угорскаго царя Владислава у столного его у Бундина - и воста инъ царь на царство, Саинъ именемъ, первый по Батые царство его примъ. Наши же державнии оплошишася, и позакоснеша къ нему идти, во орду, и умирится съ нимъ. И подняся царь Саинъ Ардинскій ийти на Рускую землю съ темными силами своими, поиде, и той, яко же и Батый-царь, до конца попленити ю, за презрение къ нему державныхъ Рускихъ. Державный же Рустии наши идоша въ Болгоры къ царю, и ту встретиша его, и утолиша его великими многими дарми. И отстави царь Саинъ пленити Руския земля, и восхоте близъ ея на кочевиице своемъ, где въспятися на Русь ити, поставити градъ, на славу имени своему и на приездъ, и на опочевание посломъ его, по дань ходящимъ на Русь на всякое лето, и на земскую управу людскую.

О первомъ начале Казанскаго царства, и о местномъ угодьи, и о зминомъ жилище. Глава 7.

И поискамъ царь Саинъ по местомъ проходя, и обрете место на Волге на самой украине Руской, на сей стране Камы-реки, концомъ прилежаще къ Болгарской земле, другимъ же къ Вятке и къ Перми, зело пренарочито и скотопажно, и пчелисто, и всяцами землянскими семяны родимо, и овощми преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого угодья житовскаго, яко не обретися другому такому месту по всеи нашей Руской земле нигдеже, подобно точному красотою и крепостию и угодьемъ человеческимъ. И велми царь за то возлюбил Саинъ, но глаголють мнози нецы, преже место быти издавна гнездо змиево. Во всемъ жителе земля тоя знаемы, живяше ту, вгнездехъ, змий великъ, страшень, о двою главу, едину имея змиеву, а другую главу волову, таковою пожираше человеки и скоты, и звери, а другою главою траву ядыше. А инья змиеве мнози околе его, живяху съ нимъ, всяцами образы. Темъ же не можаху человецы близъ места того миновати, свистанія ради змиина и точения, но далече инемъ путемъ некамо же идяху.

Царь Саинь, по многие дни зря места того, обходя и любя его, и не домышляшася, како извести змия того отъ гнезда его, яко того, яко да на томъ месте будетъ градъ крепокъ и славенъ, великъ. И обретося въ веси его сицевъ волхвъ, и рече царю: "Азь змия уморю и место очищу". Царь же радъ бысть, и обещася ему царь нечто дати велико, аще тако сотвориши. И собра окоянный тотъ волхвъ и оболшениемъ своимъ вся живущая змия те, отъ века въ месте томъ, къ великому змию во едину велику громаду, и всехъ чертою очерти, да не излезе отъ громады тоя ни едина змия, и бесовскимъ действиемъ всехъ умертви. И обволоче округъ ихъ сеномъ, и тростиемъ и дровемъ, и лозиемъ сухимъ многимъ, и полиявъ серою и смолою, и заже огнемъ. И попали, и вся змия, великого и малыя, яко быти отъ того велику смраду змиину, по всей земли расходящаяся и проявляющее впередъ хотящемъ бытии, злосодеяние окаянного царя проклятыя его, проливающи впрעדъ хотяще быти ото окоянного царя злосодеяние проклятыя его веры Срацынския. Мноземъ же отъ вои его умрети отъ того смрада змиина, близъ того места стояще, кони и верблюды мнози падоша.

И симъ образомъ очисти место. Царь Саинь же возгради на месте томъ Казань-градъ, никому тогда отъ державныхъ нашихъ смеюще супротивъ что рещи. И есть градъ Казань, стоитъ ему, всеми Рускими людьми видимъ и знаемъ есть, а не знающимъ слышимъ есть. И паки яко же и преже сего, на томъ месте вогнездися на змиинскомъ кочевиице словесенъ змий лють, и воцарися, во граде сиде, скверны царь, нечестия своего великимъ гневомъ распалашеся, яко высекъ, въ ярости на христьяны яко огонь, пламенными усты устрашая, и похищая, и поглащая, яко овца, смиренныя люди Руския въ прилежащихъ в(е)сехъ, близъ живущая около Казани, изгна отъ нея Русь-тоземца и въ три лета землю всю ту пусту положи. И наведе изъ ю языкъ лють, погань, Болгарскую чернь со князи ихъ, и со стареишинами ихъ, и многимъ имъ сущимъ и подобнымъ суровствомъ, обычаемъ злымъ, песьимъ главамъ - Самоедомъ. Наполни такими людьми землю ту, Черимиса, зовемая Отяки, - тое жъ глаголють Ростовскую чернь, забежавши тамо отъ крещения бысть же Русково, въ Болгарския орды всельшеся. И Болгарския грады обладаются царемъ Казанскимъ. То бо, бе, преже земля Болгарския за Камою, промежъ великия реки Волги и Белья Волжки, до Великия Орды Нагаиския. А большие Болгары на Дунае. Тутъ же былъ на Каме стары градъ, Бряховъ, Болгарский, ныне же градищо пусто, его же первое князь велики Андрей Юрьевичъ Владимирский и, въ конечно запустение преда, а Болгаръ техъ подъ себя подклони. И бысть Казань столный градъ, вместо Бряхова, и вскоре нова орда, и земля многоплодная, и семенита, именовита, и медомъ кипяща и млекоомъ, обдержания и наследия поганыхъ, и дашася по одержание и власть, и въ наследие поганымъ. И отъ сего царя Саина преже сего зачася Казань, и словяще юрть Саиновъ. И любяше царь, и часто самъ отъ стольного своего града Сарая приходяше, и живяше въ немъ, и остави по себе на новомъ юрте своемъ царя отъ колена своего и князя своя съ нимъ. По томъ же царе Саине мнози цари, кровопимцы, Руския люди губители, и пременящеся, царствония же въ Казани лета многа.

О первомъ взяти Казани, и о инехъ градахъ Болгарскихъ, и о повоевани Великия Орды Золоты. Глава 8.

На ню же первое ходи князь Юрьи Дмитреевичъ въ лето 6903-е, посла князь великий Василий Ивановичъ съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Василемъ Дмитреевичемъ. Тои, шедъ, взя грады Болгарския, по Волзе стояща, Казань и Болгары, Жюкотинъ, Керемечюкъ, и Златую Орду повоева по совету Крымского царя Азигерея, и вся те грады до основанія раскопа, а царя Казанского, и со царицами его, въ ярости своей мечемъ уби, всехъ Срацынъ, зъ женами и зъ детми ихъ, и живущихъ во граде присече, и землю варварскую поплени, здравъ съ победою восвоеси возвратився. И на мало время смирился Казань, и укротился, и охуде, и стояше пуста 40 летъ. Бяше, убо, умирился Крымски царь Азигерей съ великимъ княземъ Васильемъ. И воеваше съ нимъ заедино на брата своего, царя Златыя Орды на Заледи-салтана Тактамышша, а князь великий Волгою посылаше въ лодияхъ, а зъ другую страну Мангыты сильныя стужаху, ихже беша улусы черенныя на великой реке, на Яике, бяху течеть во Хвалымское море прямо къ Бухаромъ. И тако бысть отвсюду злое течение орде оной первие тогда, последи же отъ великого князя Ивана второе же. При немъ отъ техъ же Мангитъ до конца запусте, яко же преже. И вселишася въ Большой Орде Нагаи Мангиты, изъ-за Яика пришедше, иже до ныне въ техъ улусехъ качують, живуще съ великими князи Московскими въ миру, ничемъ же ихъ обидяще.

О изгнании царя Златыя Орды, и о смирени его, и о бранехъ, и о победахъ великимъ княземъ Московскимъ. Глава 9.

И въ то же во едино время, спустя по умертви Зелеть-салтана, царя Великия Орды, десяти летъ, а по взяти Казанстемъ отъ князя Юрья 30 летъ, и се гонимъ, прибежа съ восточныя страны, тоя же Болшия Орды Золотыя именовемъ, Улу-Махметъ, царь етъ, въ мале дружине своей, изгнанъ, и со царицами и зъ детми, отъ Великого Едегея Старого, Заяцкого князя, и царства своего лишень, и мало отъ него смерти не прия. И бе ношь, и бе день скитаясь въ поле, и преходя отъ места на место, и лето ища покоя и где бы вселитися, не обреташе. И не смеяше бо ни хъ ко единой ихъ стране приблизитися державы, но такъ бо между ими, суду и сюду, по полю волочася, яко хищникъ и разбоиникъ. И приближися къ пределомъ Рускимъ, и посла моление и смирение къ великому князю Василью Василевичю Московскому, въ шестое лето царства своего, не господиномъ, но рабомъ любимымъ и братомъ себе имянуя его, яко да повелить ему не избранить на пределе своя земля мало время почити отъ труда.

И собратися зъ градными своими многими вои, и возвратитися вскоре на врага своего, на Казанского князя Едигерия, согнавшего его съ Орды. И беша бо у того князя Едигерия 70 сыновъ отъ 30 женъ, яко у меншаго сына быти и до 10000, и пои рати силы своя отъ него же, Мангаты Силныя прозвашася. Князь же великий повеле, ни мало возбрани царю, еже бо приблизитися къ земле своей, но приять его съ честію, не яко беглеца, но яко царя и господина своего, и дарми его почти, друголюбие съ нимъ великое сотвори, яко сынъ ко отцу или рабъ ко господину своему, на конецъ золь соверши силою; отъ него же, бо, на великое княжение посажденъ бысть и сыномъ своимъ названымъ, 10 летъ царства своего не взимаше дани съ него и оброковъ; надеяше бо сего аще князь великий, паче его къ себе имети, любовь верну и дружбу велику. И не размысливъ сего, князь великий, яко волкъ и агнецъ вкупе не питаются, ни соводворяются, но сердце единому уязвенно боязнию, и всяко единъ отъ нихъ погибнетъ. И обещаше и клятву между собою взяша, царь, князь великий, не обидети другъ друга ничемъ, дондеже царь отъ земля Руския отступитъ.

И даша ему князь великий, царю, въ качевеище Белевския места. Царь же, ту кочуя и начаша себе збирати воя своя, хотя отомстити врагу своему, и здела себе ледянь градъ, изъ реки волоча толсты ледъ. И осыпа снегомъ, и водою облия, еще по себе гонителей, сего ради, и крепость ему бысть велика въ нужное время, и отходя, пленяше иныя земля чюжия, аки орель отлетая отъ гнезда своего далеча, пища себе искати.

Князь же великий, слышавъ, убояся, зело велми возмущася въ мысли своеи, и мятася, и мневъ, яко хочеть царь сбирати вои на него, воевати Рускую землю, - и некоиъмъ его ближнимъ своимъ советникомъ его, и возмутившимъ его, глаголающимъ бо ему: "Господине-князе, яко егда зверь утопаеть, тогда его и убити спешаху, да ли убьень будетъ или живъ убежить". Онъ же, послушавъ горкаго совета ихъ и посла посоль свои, и глаголащю, да скоро отоидеть отъ земля его, не браняся. Онъ же молясся почити, князь великий же, и паки съ прещениемъ грозя, посла къ нему фторово и третие. Онъ же - и ни токо послушавъ, но еще моляся почити, не ведая на себя вправду князя скоро готовящася и вооружающася, и мечи брани обостряющася на него, но, смиряся, глаголаше: "Брате и господине мой, мало ми время помедли, яко вборзе имамъ поити отъ земля твоя. Никоего же зла тебе никако сотворшу, по обещанию нашему съ тобою и по любви; но и предъ, егда мя Богъ устроить и паки сести на царстви моемъ, радъ есмъ съ тобою имети дружбу веру и любовь сердечню и незабытну. И еще же сыновомъ моимъ прикажу по себе служите тебе, и рукописание тебе дамъ на себя, и на сыны своя, и на внуцы, за печатми златыми, дани и оброковъ у тебя не поминати, ни земля твоя воевати, не ходити, ни посылати.. Или аще ныне помышлю кое любо зло, мало или велико, на тебя, яко мниши ты, приобидети любовь свою, еже сотворилъ еси ко мне и напитавъ мя яко просителя нища. И да будетъ Богъ мой и твой убивая мя, въ него же и азъ верую".

О послании вой великого князя Московского вои и о побиени его. Глава 10.

И виде его князь великий, не послушающа и добромъ и волею своею не хотяща отступити отъ земля державы его, и словесемъ и вере его и обещанию, яко погана, не ять истинне быти, мня его вся лестъ глаголюща ему и лжуца, забывъ сего слова - яко покорное слово сокрушаетъ уничижающа, а смиренно сердца и сокрушенна о Богъ не унижитъ. И посла на царя брата своего, князя Дмитрея Галичского, по риклу Шемяку, а съ нимъ вооруженныхъ вои 20000, и посла оба князя Тверския по 10000 своихъ вои, и всехъ бысть же 50000, да шедше отженуть царя отъ предель Рускихъ. Онъ же злый царь, видевъ великого князя, не повинующася молению его и смирению, и воя его уже готовы блиско идуща къ себе, - посла тако же къ брату великого князя, да не идетъ на нь до утра: "Яко прочь отступити имить". Онъ же тацашася скоро повеление брата своего исполнити, надеющихся на силу свою. Царь же отложи чаяние

отъ человека такова же смертна милости просити и возведе очи свои воздевь на небо моляся, и ко церкви Рустей притече-прилучися бо церкви стояща, на пути, въ некоемъ селе при дверехъ на землю у порога, и не смея влести въ ню, и вопія плача со многими слезми: "Боже Рускіи", глаголя, "слышахъ о тебе, яко милостивъ еси и праведенъ; не на лица зриши человекомъ, но и правды ихъ испытуети. Виждь ныне скорбь и беду мою, но помози ми, и буди на мя истинны судя, и суди въ правду между мною и великимъ княземъ, и обличи вине коегождо насъ, бывшее слово и обещаніе наше и клятву съ нимъ солгавъ и преступивъ, и великое же бреженіе мое и прежнюю любовь къ нему, аки къ любезному сыну, забывъ, и видевь мя въ велицей напасти и беде ныне угесняема, зельцо погибающа отвсюду. И изведавъ бо себе азъ ни въ чемъ преступивше ему или солгаша". И плакався много, и стонавъ.

И воставъ отъ земля, отъ ницания своего мерскаго, и собрався съ вои своими, и затворися во граде ледяномъ. И се, борзо внезапно нападоша на нь люди Руская. Онъ же мало бився оттуду, и виде, яко спеецца ему дело. И тогда отвори врата градныя, и вседе на конь свой, и взя оружие свое въ руку, и поскрежета зубы своими, яко дивий зверь, и грозно посвистая, яко левъ ревы, огнемъ дышуше отъ великия горести. И противъ многимъ воемъ великого князя напусти съ (-съ съ?) своими 3.000 - всехъ вооруженныхъ ни дрогнувъ отъ великихъ тысящъ вои Московскихъ, отчаявся живота своего, а болши надеяся на Бога и на правду свою, нежели на храбрость, и на злое умение свое. И егда (с-)ступився обоя воя, - увы мне, что реку, - одолеваетъ великого князя, и поби все войско, въ лето 6948-го, Декабря въ 5 день. И осташася токмо на томъ побоище отъ 40.000 воя братья великого князя - 5 воеводъ съ ними, съ немногими воины, бегающе по дебрямъ, и по стремнинамъ, и по чашам. И мало живыхъ не яща и самехъ воеводъ, не избави ихъ Господь отъ сего бе поганого царя. И смирение преможе, и победи великого князя нашего, свирепосердия, яко да клятвы не преступаютъ, аще и поганымъ сотворяють! О, блаженное смиреніе и покорение, яко не токмо християномъ помогаетъ, но и поганымъ по правде пособствуетъ.

О фторомъ начале Казанскомъ, о прихоженіи Казанского царя на Русію грады и о смерти его. Глава 11.

Поганьи же онъ Улуахметъ, победивъ Московския вои и обимаваъ, и обогатися велми, и повоева, и поплени Руския пприделы, и наполнився всякого до избытка своего, и вознесся сердцемъ, и возгордеса умомъ. И къ тому далече ни въ кою же орду не восхоте отъ Рускии земли отойти. Но прииде отъ места того, съ побоища подале, на другую страну Рускихъ предель и украины, бояся великого князя: да не паки тайно воя пошлетъ на него боле первыхъ, - и граду же ледяному отъ солнца растаявшу, и скрытися же ему никде же не имущу: и на сонныхъ нощию нападутъ и некою кознию погинеть самъ царь и сего сущую съ нимъ.

И шедше полемъ, перелезше Волгу, и засяде пустую Казань, Саиновъ юртъ. И мало въ граде живущихъ, и собирающихся Срачиныи и Черемиса, развие по улусамъ Казанскимъ некако живущимъ. И рады ему быша, бяху и оставльшимся, да не паки отъ плена худыя Болгары, молиша его Казанцы, быти ему заступнику отъ насилия, воевания Рускаго, и царству строителя, да не до конца запустеють, и повинущася ему.

Царь же вселися въ жилище ихъ и постави себе древяны градъ крепокъ на новомъ месте, крепчаше старого, недалече отъ старыя Казани, разоренныя отъ Московския рати. И начаша збиратися ко царю мнози варвари отъ различныхъ странъ, ото Златыя Орды и отъ Асторохани, отъ Азуева но и отъ Крыма. И нача изнемогати время то и Великая Орда Золотая, и укреплятися нача в тоя место Казань, Новая Орда, запустевши Саиновъ юртъ, кровию Руской безпрестанно кипя. Прииде царская слава, и честь, и величество зъ Болшия Орды и престарыя матери ордамъ всемъ на преокоянную дщерь, Младую Казань, и паки же возрасте царство, аки древо отъ Златыя Орды, злая ветвь произыде, Казань, второе зачася отъ другаго царя Ординьского.

И тотъ царь Улахметъ велию возвиже брань и мятежи въ Руской земле, паче всехъ первыхъ царей Казанскихъ отъ Саина царя бывшихъ, понеже бе многокозненъ человекъ и огненъ дерзостию, и великъ телесемъ и силенъ: отвсюду собра къ себе воинственную силу и многия грады Руския оступи, и всяко имъ озлобление наведе. И до самого доиде царствующаго града Москвы, на другое лето полониша, июня въ 3, пожже около Москвы великия посады и хрестыянского поизсече люду много, и въ пленъ сведе, града же не взя, токмо дань на воя своя, и отоиде. И умре въ Казани со юншимъ своимъ сыномъ со Ягупомо - оба ножемъ зарезаны, отъ болшаго сына своего Мамотяка. Царствова въ Казани 7 летъ.

И приять по немъ царство Казанское сынъ ево Мамотякъ, отъ скорпе и прее, ото лва лютыи зверь, кровопица же. Сей бысть отца своего злее на хрестьяны, воевати Руская земля, яко и самого великого князя Василья Василевича, пришедъ изгономъ отъ Суздалья-града, изыма, и вся сущая съ нимъ воя побиль въ лето 6953, июля въ 6 день, и въ Казань къ себе сведе его. И держа у себя 14 месяць - не въ темнице, но проста, и посаждая его честно съ собою ясти за единою трапезою си, и не скверниша его поганымъ ядениемъ и питиемъ, и кормяше его чистымъ брашномъ Рускимъ. И взялъ на немъ окупъ великъ отъ велможъ его, множество злата и сребра, и отпусти его къ Москве.

О второмъ взяти Казанскомъ и пленении Алехамы царя со всеми его, и о посажени на Казани Махметияна-царя, и о сече хрестьянстей. Глава 14.

Сынъ же сего великого князя, Иванъ, восприя великое княжение Московское по смерти отца своего. Сей же взя Великий Новъ Градъ со многою гордынею и буйствомъ, яко же впреди речеса, и Тверь, и Вятку, и Рязань, и вси Руския князи подклонишася ему служити, и единъ облада всеми скифетры Рускими. И многи грады у Польского короля отнялъ державы своея, завладейшая княземъ Гедеманомъ, и бысть велика власть Руская державы, и оттоле назвася самодержца князь великий Московский. И по взятии же Великого Нова Града въ 9 лето, по Тверскомъ въ 5 лето, той посла на Казанское царство, съ великимъ воинствомъ, за бещестие и срамоту отца своего, воеводъ своихъ: князя Данила Холмьского, князя Александра Оболеньского, князя Семиона Загоского.

И встрете ихъ Казанский царь Алендарь, съ Татары своими, на реке на Свияге. Бывшу же у нихъ бою велику, и поможе Богъ и второе, тогда, Богородица Московскимъ воеводамъ, и побиша у нихъ ту многихъ Казанцовъ: мало ихъ живыхъ въ Казань утече, и градъ затворити и осадити не успеха. И самого царя Алехамы жива яша своимъ руками, и съ ними во градъ въшедша и яша матеръ его, и къ Москве сведоша, и досталныхъ Казанцовъ, и покориша Московскому царству, и повинныхъ учиниша.

И заточи царя, и со царицею, на Вологде, матеръ же цареву и со двема царевичами заточи на Беле озере. Тамо же, въ заточении, умре царь и мати его, и братъ Мелендарь-царевичъ; другой царевичъ остася въ живыхъ, того же изведе ись темницы, крести, даде за него дщерь свою. И се второе тогда взята бысть Казань отъ Москвы, отъ начала ея, въ лето 6993, июля въ 9 день, на память святого мученика Панкратия.

И посади великий князь Иванъ Васильевичъ служащаго своего царя Махметемина, приехавшихъ ись Казани къ Москве зъ братомъ своимъ Ибделедить, служити великому князю. И данъ бысть ему отъ него градъ Кошира, другому же брату инья грады. Отъехала те царевичи отъ болшаго брата своего Алехамы, царя Казанского, раскоторавшеся съ нимъ, не стерпевше отъ него обиды многия, они же подняша великого князя Казань взяти, да не царствуетъ на Казани братъ ихъ, единъ, смеяся ими и досаждая имъ. И по летехъ, живша, умроша на Москве два царевича: Абделетифъ-царевичъ въ Срацинской вере, въ крещении Христове именемъ Петръ-царевичъ иже, зять бысть великого князя.

Той же царь Мехаметинъ седе на Казани царемъ. И взя за себя въ жену сноху свою, брата своего царицу, Алехамову жену – большицу, по прошению его, у великого князя изъ заточения, ись темницы съ Вологды (мужу ея Алехаму-царю умершу въ заточении) Махметемину. И любима ему бысть братня жена велми. И нача она помале, яко огонь, разжигати сухие дрова, яко червь, точити сладкое древо, яко прелукавая змия, научима отъ велможъ своихъ царевыхъ, охавившеся о вые, шептати во уши царю день и ночь, да отложитца отъ великого князя, да не словеть Казанский царь - рабъ его, и во всехъ земляхъ да не срамъ будетъ и уничежение будетъ ему, отъ всехъ царей, и всю Русь да побьетъ живущую въ Казани, и корень ихъ изведеть отъ всего царства: «И аще сотвориши волю мою, то имаша царствовати многа лета на Казани, аще ли сего не сотвориши. то вскоре зъ бещестиемъ и съ поруганиемъ сведень будеша съ царства своего, яко же и братъ твой Алехамъ царь умеръ въ заточении, и умрешъ в темницы!» И всегдашняя капля дождевая жестоки камень пробиваетъ сквозе, а лщение женьское премудрые человеки многи снедаеть.

И много крепився царь, и прелстися отъ злыя жены своея. И послуша проклятого совета ея – окоянный - изменивъ великому князю Московскому, нареченному отцу своему. И присече Русь всю, въ Казани и во всехъ улусехъ, зъ детми и зъ женами, въ лета 7013, на рожество Иванна Предтечи, - на той же день съездяхуся въ Казань изо всея Руския земля купцомъ богатымъ и многия иноземцы далния, и торговаху съ Русью великими драгими товары. Не ведующи Рускии люди беды на себя никакия, безъ боязни

живущу въ Казани, бо надеюшеся, яко на своего царя, и не бояшеся его. Аще бы ведали сей беды - то не бы подклонилися подь мечь, никако же.

Полату полну до верха Руского злата и сребра и подела. И взя царь себе венцы драгия, и сосуды и блюда серебряные и златыя, и царский нарядь драгий свои устрой, оттоле не ядыше ись котловь, ни зь опаниць, яко песь ись корыта съ велможамы своими, яко на пирехь своихь ядыше и веселяшеся. Безь числа же Казанцы много велми разграбиша по себе, и обогатишася, и оттоле не ходити имь во овъчияхь кожахь, ошившся, <но> въ красныхь ризахь и въ зеленыхь, и въ багряныхь, и въ червленыхь одеявшися шапствовати предь катунями своими - яко цветцы полскыи, различно красяшеся, другь друга краснее. И была тогда Казань за великимь княземь 17.

О приходе Махметемина, царя Казанского, къ Нову Граду, и о срамоте Московскихь воеводь, и о смерти великого князя Ивана. Глава 13.

Еще не удоволися Казанский царь богатествомь взятыхь людей Рускихь въ Казани, ниже крови ихь напився, текуция реками, и болшою яростию свирепосердый разжегься. И собрався съ Казанцы своими, и призва еще къ себе на помощь 20000 Нагай, воюи и убивая. И прииде къ граду сему, взяти его хотяше. и пожже около грады все посады, стояще у града 30 дней, по вся дни приступая ко граду. Воевода же былъ тогда во граде Хабарь Симьский, и мало иже с нимь во граде, токмо народь градцкый, страшливыя люди.

И не успеха бо къ нему съ Москвы притти почти, вскоре бо царь, безвестно, пришелъ, и мало града не взялъ, аще бы во граде не Богъ прилучилъ огненныя стрелцы, Литовския, рекомыя желныри. Яты быша на бою, когда побили Литовскую силу на Ведроши храбрый воевода Московский князь Данило, Щеня прозвищемь: 12 воеводь великихь изыма, съ нимь же приведены те стрелцы, и ту заточены въ Нижнемь, въ темницахь седахь. Аще и мало ихь – числом бе 300 человекь, в темницахь сидящихь, но превзыдоша бо многочисленныхь храбростию и побита много Казанцовь и Нагаевь огненнымь своимь стреляниемь, и градъ ото взятия удержаша, и хрестьянски родь оть меча и оть пленения избавиша, и застрелиша шурина царева Нагайского мурзу, приведшаго Нагайския воя своя ко царю въ помощь. Бе бо со царемь стояще за некою церковью хрестиянъскою, думаючи о взятии града, и понужающа воя своя ко приступу, - и прилетевъ ядро, и удари его по персемь, и вниде ему въ сердце и проиде сквозь его, и тако изчезе нечестивый. И возмутишася Нагаи, аки птичьа стада, оставше своего вожа. Бысть межю ими брань велика усобная, и почашася сечи съ Казанцы по своемь господине, и много у града паде обоихь. Царь же, едва устави мятежь вой своихь, и убояся, отступи оть града, и побеже хь Казани, и много зла хрестиянству учини.

И за се великое добро свобоженне быша ото удержания желниряне те. Воевода же, одаривъ ихь, и отпусти, они же радостны быша, и поидоша во свояси, свободившеся смертныя горкия темницы. Московския же тогда воеводы, пришедъ, стояху въ Муроме готовы 100000 - посланы се великимь княземь стерещи, прихода ради царева, не дати воли ему воевати Руския земля. Они же, паче себя брежаху, а не земля своя - и великимь страхомь объяты воевати Руския земли, они же себя стрежаху толико, имуще у себя вой. Казанцы же неподалеку оть нихь воеваху, и смияхуся.

Умре же князь великий Ивань Васильевичь, на другое лето, не успевъ преже смерти управитися со царемь Казанскимь, и приказа по себе царство Московское сыну своему Василю Ивановичю.

Глава 9.

Велики же князь Василей - онь же, хотя отомстити измену собе - рабу-Казанскому царю, - и паки взяти у него Казань и посла въ себе место брата своего князя Дмитрея Углицкого, и съ нимь князи и воеводы Руския со многими силами, полемь и въ лодияхь, въ лето 7016. Казанцомь же - сие не ведуще и праздникь творяще на великомь поле Арскомь на.

И пьюще, и веселяшеся всякими потехами зь женами и зь детми, - аки съ небеси, падоша вои Руския на Казанцовь, и побиха многихь Казанцовь, а иныхь плениша, ини же во градъ со царемь убежаша, ови же въ лесы розбегошася. И оть великия тесноты во граде задыхахуся: аще бы три дни постояли у града вои

Руския, то бы взяли градъ волею, безъ нужды. И ошастася отъ Казанцовъ на поле все брашно и пития и со всякимъ товары.

Воя же Руская - и начаша ясти, и упиватися безъ веданія скверными делами и спаша до полудня аки мертвыми. И узна царь, яко все Руския воя пьяни, отъ мала и до велика, яко и до самихъ воеводъ, отворити повеле врата градныя. И выехавъ со 20000 конными, а 30.000 пешцовъ, и нападе на полки Руския. Рускимъ же воямъ всемъ спящимъ, и присече всехъ людей, една сами воеводы прибегоша съ великою тщетою и много раненыхъ людей. Отъ 100000 осталось 7000 Рускихъ.

И обогатися Казански царь златомъ и сребромъ, и слонми, и доспехи, и оружиемъ. И скрати его Господь, лежаша, весь кипя гноемъ и червми, и врачеве же и волхвы ево не возмогоша отъ язвы тоя исцелити, и все глаголять, яко смертное. И вспомяну согрешение свое и глаголя къ себе: "Случися мне неисцелимыя сия болезни за неправды и измены, и за клятвенное преступление, и за многое кровопролитие христьянское».

И посла къ Москве царь послы своя, къ великому князю Василью Ивановичю. А съ ними же посла царския дары своя: 300 коневъ добрыхъ, на нихъ же самъ яздыше, и мечъ, и копье свое, и златы щить, и лукъ, и туль со стрелами, и красны свой шатерь драгий, - ему же велицы купцы заморския не возмогоша цены уставити дивящеся хитрости его и ркуще, яко несть въ нашихъ земляхъ Фряскихъ узорочья такова, и ни слышали, ни видали, ни у коего царя, ни у короля, и не мощи назретися до сытости никому, и несть лзе сказати, каковъ есть онъ хитростию и ценою злата и сребра, и немощи есть купити его, аще не пленомъ взять будетъ, некако, и таже взять въ дарехъ будетъ, како посланъ? – прехитрь-бо видениемъ и премудростию устроенъ великою... - Присланъ бо той шатерь царю Казанскому, въ дарехъ же, отъ царя Вавилонскаго и Кизылбашского.

Таже инья вещи некия драгия Казанский царь посла къ великому князю, братомъ и господиномъ зовя его, и прощения прося отъ него о гресе томъ, еже сотвори ко отцу своему, такъ къ нему, сводя съ себя измену, и Казань предаша ему: "Яко азъ умираю", - рече, веля прислать на место свое царя или воеводу, вернейши себе и нелестна, да не тако же сотворить измену.

Злый той царь Махметеминъ житие свое скончавъ, живъ черми изъеденъ, яко детоубица Иродъ, не исцелевъ отъ врачевъ своихъ никакоже, и отоиде въ вечны огнь, и равно смутися съ нимъ. Тако же и царица та, прелстившия его, борзо по немъ, того же месяца, съ печалию умре, отъ совести смертнаго зелия вкусивъ. И сие Богъ преступающимъ клятву воздаеть за измену ихъ великую и злую.

О смиренн великого князя с Срачини и о послани царя на царство, Шихалея царемъ на Казань. Глава 11.

Умилися царь. И прости во всемъ, и его дары съ честью и съ любовию приять и, послы Казанския одаривъ ихъ, смирился съ ними вместо всехъ Казанцовъ, повери тако ложной ихъ клятве ихъ. И пошлетъ на царство Казанское царя Шихалея Шигяровича Касимовского, поиде на Казань съ воеводою Федоромъ Карповымъ, царствава на Казани 3 лета, мирно владея Казанию. И начаша Казанцы прелщати царя Шихалея изменити царю Московскому. Царь же Шихалеи никакоже преклонися къ лестнымъ ихъ словесемъ, но овехъ болшихъ князей и мурзь явше и въ темницу затворяше, и заключи, овехъ же смертней казни предаваше. И начаша его все Казанцы не любити, и послаша къ некому царю, и посадиша его на царство Казанское. А Шихалея согнали, и съ воеводою Московскимъ, въ однихъ ризахъ, служащихъ же у Шихалея 5000 и, присекоша всехъ, токмо ему оставивъ 300 варварь.

Глава 12.

И слышавъ, великий князь въ раскаяние прииде - о христьянской погибели, о верномъ рабе Шихалее. И слыша близъ Москвы Шихалея, блиско идуща, и повеле его стретити всемъ своимъ воеводамъ, княземъ и бояромъ, тако и самъ князь не може усидети встрети его на лестницахъ, нелестно, не яко раба, но яко брата и друга любимаго. Князь же Московский, брань бе имяше съ Полскимъ королемъ зъ Житимомъ, и воевашеся съ нимъ, сряду не почивая 20 летъ. И одолеваху короля, и взя у него столны гродъ Смоленскъ со всеми его пределы. Римский цысарь послы своя посылаше къ нему о томъ - умиритися великому князю съ королемъ. И паки же, въ то время второе, собра воя многи, и посла отмстити обиду свою Казанцемъ, и посла 12 воеводъ своихъ, а съ ними рати 150000 вой полемъ и иныхъ реками, въ конной рати – полемъ.

На Волге Черемисы злая Казанския 10000 некоимъ ухищрениемъ въ теснинахъ, воеводы же преидоша поле, а не ведующе побитыхъ людей на Волге. И прииде къ реце Свияге, тутъ стояще воеводы Казанския, ждуще Руския силы. И бишася межъ собою три дни, во градъ и побежаша Казанцы. И уби же Казанцовъ на томъ бою 42000, и се приплывше въ лодияхъ, и мало ихъ живыхъ, толко 10000, воеводы же изгубление зла. Воеводы же здрогнувшеся, и ужасошася, и возвратишася къ Москве, и поидоша на Русь (т)щетою великою и съ печалю.

Глава 14.

По семь же князь великий стерпе 6 летъ. И паки собра въ третие великихъ своихъ воеводъ, посла хъ Казани съ силою, и всехъ воеводъ до 30. И слышавъ Казанский царь, и собравъ всехъ, и сиде во граде, и повеле Черемисе около посаду острога 3 делати и ровъ копати.

И прииде Руская сила, приступающе ко граду. Въ день убо съ Русью бяхуся Казанцы, а къ ноци и запивахуся до пьяна, и спаху сномъ крепкимъ. Совецашася 10 человекъ Русиновъ въ смерть или въ животь и, поползше къ острогу на чревехъ своихъ, сражениемъ острожнымъ уснувшимъ, и зелия принезша пушечного, подъ стену убо положиша острогу, и помазавше серою и смолою. И запалися великий острогъ, никому же знающе отъ Казанцовъ. Воевода же руския трубити въ трубы, ови же на коняхъ, ови же пеши, и проломиша вся врата острогу, и сецаху Казанцовъ инехъ спящихъ, инехъ бегаящихъ, инехъ сующихся, аки бесныхъ и во огонь вметающихся. И тако взяша крепкий острогъ, и сожгоша, и посады погореша все, Срацынъ всехъ избиша числомъ 60.000, и Нагаи - храбрыхъ бойцовъ, июля въ 15 день. Тутъ же наскочиша вои варвара, имянемъ Галыша, ни возложити на себя пансыря, ни шелома, ни палицы железныя, но вшедь, и тако спаде с кони. И тутъ похвалного воеводу Казанского убиша. Онъ - на коне на 100 воинъ, и возмущаше полки Рускими, а самъ невредимъ отъеждя, и каждо ихъ мечемъ своимъ ударить во главу и, наехавшее, надвое и до седла, не удержашеся мечь его ни въ шелеме, ни въ пансыре, и стреляше дале версты въ примету. Казанский же царь, узнавъ, что граду взяту быти, и выехавъ нощию изъ града съ людми съ надежными, съ тремя тысящами. И въ Крымъ убежа и съ царицами, а Казань пусту оставивъ, старого да малаго токмо 12000, живъ же царь въ Крыму лето и 6 месяцевъ.

Глава 15.

Казанския воеводы смиришася съ Русью. И поиде войско Руское къ Москве, съ ними же поидоша и Казанския послы зъ дары многими, и взяша у Василья Ивановича Московского на царство брата Шихалеева меншаго, Геналея царевича, 16-ти летъ.

И по 8 летехъ убиша его безъ вины, прекраснаго царя Геналея-царевича, и примше себе царя Сапкирея, а посемъ преставися князь Московский Василий Ивановичъ, во иноцехъ Варламъ, въ лето 7042. Царствова 28 летъ, много брався съ Казанцы. И осташася отъ него 2 сына: первый Иванъ, вторый сынъ его Георгий. Умирая бо, повеле къ себе ихъ въ ложницу принести, и взя на руке свои болшаго сына своего, целова его съ плачемъ, глаголаше, яко сей будетъ по мне царь и самодержецъ, той омыетъ слезы христьянския, вся враги своя проженет. И тако успе вечнымъ сномъ. И остави по всей земли плачь великъ, бе бо, въ то время до возраста его, самовластцы были, не по правде судящимъ,

Московский царь Иванъ Васильевичъ воцарися на царство въ лето 7050-го, сентября в 16 день. И согляда всю землю свою очима своимъ, всюде, видеша многия страны запусте(с?)та отъ поганыхъ: Рязанская земля и Сиверская Крымскимъ мечемъ погублена, Низовская земля вся, Галичь, и Устюгъ, и Вятка, и Пермь отъ Казанцовъ запусте. Забывающи и смерти не боящеся, ко всякому бою, аки къ велице которой корысти или къ медвяной чаше цареве. Другъ друга напередъ течаху и силно бияхуся, и складаху главы своя нелестно за веру христьянскую и за любовь къ нимъ царскую, забывая жены своя и дети. И узна царь Иванъ Васильевичъ, что издавна на Руской земли есть не воздаянно царство ново Казаньское, по Рускому же языку - котель, златое дно и велика скорбь.

Отъ Казанцовъ гонение Рускимъ людемъ, и сквернение отъ нихъ церквей и наругание христьяномъ.

И како могу сказати или списати напасти сия грозныя и страшныя Рускимъ во время то. И страхъ бо мя одержитъ, и сердце ми горитъ. и плачь смущаетъ, и сами слезы текутъ изъ очю моею. И кто бо тогда

изреци можетъ беды сия за многа лета отъ Казанцовъ, отъ поганья Черемисы православнымъ христьяномъ, паче Батыя. Баты тый бо единою Рускую землю прошелъ и, яко молнина стрела и яко темная главня, попадая и пожигая, и грады разрушая, пленяще христьянство, мечемъ губя. Казанцы же не такъ губяше Русь, но всегда изъ земли Руския не изхождаху: бьюще Русь, посекающе, аки сады, Руския люди и кровь ихъ, аки воду, проливающе. И всемъ Рускимъ людемъ ото очию слезы текутъ, аки реки; крыющесе въ пустыняхъ, въ лесахъ и въ горахъ живяху зъ женами. И ругахуся, въ свою Срацынскую веру принуждаху веровати, страха ради боящееся ихъ худу веру и прелстишася. Гор^{ш?}е варваръ и Черемиса хрестьянъ губяху. Кои же не восхотеша веры приятии - и техъ, аки скоть, овехъ толпами, перевязанныхъ, держаща на торгу, продаваху иноземцамъ поганымъ. И имъ плачь, и скорбь, и беда, и стонаніе отъ языка поганово..

...Посемъ воста въ Казани смятение великое на царя своего Сапкирея, и свергоша его съ царства, и выгнаша ись Казани и съ царицами его, и мало его не убиша. И взяша у самодерждца на царство царя Шихалея и приведоша его и съ честию не яко царя, но яко пленника, и стрежаху его, хотяше убити. И созва царь Шихалей на обедъ свои всехъ Казанскихъ велможъ, и властелей, и судьй, и ратныхъ людей, повеле брашно, пития, вина и медъ возити и возлияти великия сосуды постявлять на царево дворе, и на площади, и по улицамъ, и на роспутія - все упившесе Казанцы до пьяна, яко мертвы. Царь же, се видевъ, тогда всехъ болшихъ велможъ Казанскихъ 20 убилъ и малыхъ велможъ 8 пьяныхъ съ собою похвативъ и умча къ Москве.

По избежании царя Шигалея ись Казани, Казанцы же поидоша за Яикъ ко царю Сапкирею, молиша его, да идетъ въ Казань царемъ, ничего же бояся; онъ же съ радостию поиде на царство Казанское. И царства его два лета, изверже окоянную свою душу.

Царь же Иванъ Васильевичъ посла дву велможъ Казанския улусы воевати, не преступати хъ Казани, потому что самъ мысляше ийти Казани. Они же, шедша, повоеваша около Казани, а Казань мимо идоша. Казанцы же видевше, 3 дни гнашася за ними во следъ, и утомишася сами и кони ихъ, и поча опочивати, яко мертвы, чающе ущедшихъ воеводъ. Они же послаша подсмотрити, видеша ихъ крепко спящихъ всехъ и оружия своя поснемшихъ, нападоша на нихъ - и отогнаша преже кони ихъ, - и побиша 17000, а 2000 взяша въ пленъ, а съ тысящу ранены убегоша.

И съ великимъ пленомъ воеводы пришедше къ Москве, царь Иван Васильевичъ сжаловаль ихъ великимъ жалованемъ издари. И въ третее лето царства своего царь Иванъ Васильевичъ собра вся князи, и воеводы своя, и вся воя многа и поиде самъ, во многихъ тысящахъ, въ зимнее время, въ лето 7058. И велика бысть нужда воемъ его; отъ студени бо и отъ мраза, и отъ глада изомроша, къ тому же весна скоро приспе, и дождь великъ идяше, месяцъ непрестанно, - яко и становищемъ воинскимъ потонути, и мечь сухихъ не изобрести, где постояти, и тогда огнемъ горети, и ризы своя посушити, и ядение сварити.

И мало стоя у Казани, постемъ 3 месяца, приступаючи ко граду по всядни, бьющи по стенамъ бо изъ великихъ пушекъ. И не преда ему Богъ Казани тогда, яко царя не бысть въ царстве Казанскомъ и не бы славно было взяти его. И поиде на Русь, Казанскую землю всю повоевавъ и главнею покотивъ.

А на Свяге-реке градъ поставити повеле на устрашение Казанцамъ, яко да будетъ пристанище воямъ и покой. И поставиша градъ въ лето 7055-го, июня въ 30 день, и въ немъ церкви воздвигиша. И смиришася Черемиса около града живуци, еже не воевати. И сочте 40000 луковъ горазныхъ стрельцовъ кроме млада и стара.

Глава 31.

При царе бо некогда, еще ходившимъ Казанцомъ на Руския пределы, на Галичъ и на Вологду, и на Кострому, многи крови пролившимъ, и взявшимъ градъ Балахну, немногими людми - 6000, пришли воеи въ Казань, со многимъ богатствомъ Рускимъ, царю веселящуся на пиру своемъ, а царице его Сиберке на одре слежаци и болезнующи. И царь веселья прииде къ ней, ей поведал, Руского плена и богатства; она же, мало молчавъ, со воздыханіемъ, глаголя отвешаше царю: "Не радуися, о царю, сия бо радость и веселие не на долго время, но по твои животъ, и оставшимся плачь и въ сетование нескончаемое обратитца. И за неповинную кровь христьянскую, царие въ Казани, по тебе не будутъ, вера бо наша искоренится, и обладанъ будетъ Рускими цари". Царь же разгневавъ на царицу, отъ ня изыде.

О знамени.

Бе въ некоемъ улусе Казанскомъ малъ градецъ пусть, на брезе висоце Камы реки стоя, его же Русь имянуеть Бесовское жилище, въ немъ же живяще бесъ, мечты творя отъ много летъ. И то место еще старыхъ Болгаръ молбище. И зхожахуся ту людие мнози со всея земля Казанския, жрюще бесу и о ползе вопрошаху его. Бесъ же овехъ отъ недугъ исцеляше, овехъ, съ нерадениемъ минующихъ, уморяше, и плавающихъ рекою на лодияхъ, потопляше. И посла тогда царь самого Сеита Казанского вопрошати, аще одолеетъ Казань Московский царь или Казанцы одолеютъ, и до 10 дней живяху, отозвася гласъ отъ беса въ мечте, всемъ людемъ слышащимъ: "Что стужасте о мне? Уже бо вамъ отныне несть на мя надежи, ни помощи ни мало; отхожу бо отъ васъ въ пустая места, непроходная, прогнанъ Христовой силою, приходитъ въ земли сей". И по мале часе, явися дымъ великъ изъ мечети, на воздухъ идя, смрадъ золь, изъ дыма же излете змий великъ, огнень, и на западъ полете, всемъ зрящимъ. И разумевше вси ту, яко исчезе животь ихъ.

Въ то же время умре царь Казанский, и остася царица его молода, и царевичъ Мамшкирей, единомъ лето, и приказа царь Казань, до возраста сына своего, Крымскому царевичю Кошаку. Той же Кошакъ повеле осаду крепити и вой многихъ отвсюду збирати, откуда поидуть.

Казанцы же не восхотеша его, и восхотеша Казанцы убити его. Онъ же собрався съ Крымскими варвары, и ноцию побеже исъ Казани. Казанцомъ же собрася всемъ, 10000 лехкихъ людеи, и постягаша его въ поле бежаша, и побиша ихъ 5000, и взяша богатства много у нихъ, Кошака и зъ братомъ жива изымаша и зъ женою, и зъ детми, и 300 добрыхъ ворваръ, въ нихъ же бе 17 князей, 12 мурзъ, и послаша его къ Москве бещестно. И воспросиша его повелениемъ царевымъ аще хоцетъ креститися. Онъ же рабъ его быти хотяше, а креститися отрицашеся, ни умомъ невляще, и тако убьенъ бысть.

По убиение Кошакове собращася вси Казанцы ко царице и рекоша к ней: "Когда утешимся отъ скорби и печали? Уже бо прииде кончина твоему царству и нашему, протчее оставимъ нелепая думы, идемъ ко царю Шихалею съ молениемъ и смирениемъ отъ лица твоего, яко да не бы помнилъ нашия вины, еже сотворихомъ ему и хотели убити его, - дабы царемъ въ Казани сель и взялъ тебя за себя, съ любовію, не яко горкую пленницу, но яко любимую и прекрасную.

Царь же приять смирение у Казанцовъ, не поминая зла, и няся быти царемъ, хотя царицу поняти. Она же, аки будто радуяся, посла ко царю некия дары честныя и царское брашно; онъ же дати на искусная: песь же лезнувъ языкомъ - абие расторже его на кусы. И паки же къ нему присла срачицу драгу, царску, зделавъ своима рукама; царь же повеле варвару, осуждену на смерть, облещи, же паде тотчасъ и умре. Царь же изветы о ней сотвори Казанцомъ. Они же, кляхуся, неведуще сего, и даша ему волю. И разгневался на ню къ Москве, и посылать къ самодержцу!

И собра пленныхъ людей 100000 мужей и женъ, и детей.

И егда приспе время ея идти, тогда посла по ню царь Московский воеводу Московского князя Василья Сребряного, а съ нимъ вой 3000 оруженныхъ, да 1000 огненныхъ стрелцовъ. Воевода же, вшедъ, и взя царицу, яко смиренну птицу во гнезде, въ полатахъ ея, въ превысокихъ светлицахъ, со всеми ея любимыми рабынями, рожденными отроковицами и женами, живъшими въ полатахъ у нея. Вшедъ же къ ней воевода, съ вельможами Казанскими въ полату, одянь во златую одежду, и ста предъ нею, и рече ей слово тихо и честно: "Поимана еси, волная царица Казанская, Богомъ нашимъ, Иисусъ Христомъ, царствующимъ на небеси, отъ Него же царствуютъ вси цари на земли, Царь, царству же его несть конца, - Той ныне отъ тебе царство Свое отъемлетъ и предаеть тя съ нимъ, царице, великому царю самодержцу всея великия Роси <обр.вним. чтение= Соловец.>, его же повелениемъ, азъ, рабъ его, приидохъ по тебе и посланъ, ты же буди готова скоро съ нами поити". Она же, слышавъ отъ него таковыя словеса, и противъ отвещавъ слова его, вскоре воспрянувъ отъ высоково места своего царского, и умилно съ тихостию отвещавъ: "Буди воля Божия и самодержцова Московского...", - испусти гласъ свои съ плачемъ. Тако же и честныя жены и красныя девица въ полате у нея много плачуще и рыдающе, и лица своя деруть, и власы рвуще, и мышцы кусающе. И восплакася по ней дворъ и вельможи и князи.

Слышавше плачь мног, и стекашеся много людей, плакахуся все по ней неутешно, хотяху воеводу жива поглотити, и воя его каменемъ побити; и не даша имъ воли властели ихъ, разгоняху ихъ. И умолень бысть воевода - мало пожити царица въ Казани, 10 дней пребыти. И жила царица въ полатахъ своихъ, за крепкими стражама, чтобы сама себе не погубила. И самъ воевода за нею ходящее и живе во инехъ полатахъ, брегомъ отъ своихъ вой. И переписоваше цареву казну всю и до пороха, и запечатавъ

самодержцовой печатью, и наполнивъ до угружения 12 лодей великихъ златомъ и серебромъ, и сосуды серебряными и златыми, и украшенными постелями, и многоразличными одеяни царскими, воинскими оружьи всякими, и высла ись Казани преже царицы со инемъ воеводою въ новы градъ. Посла съ казною за казною - и хранителя казенного, скопца царева, да тои самъ книги.

По десяти днехъ, приде воевода въ полату, и взяъ ея честно ись полать ея; во следъ его воеводы Казанския, вѣдуще подъ руке, а царевича, сына ея, предъ нею несоса пестуны его. И воевода же отпусти ея за сторожами своими, а самъ у двери стояще. И вниде царица въ мечеть, где лежащее мертвое тело царево, и сверже златую утварь зъ себя, и паде у гроба царева, власы главы своя терзающа, и ноготми лице свое деруща, и въ перси биуща, и плакася горько вопия, глаголя: "О милы мои господине, царю Сапкирее! Виджь ныне - любима еси паче всехъ женъ своихъ, ведутъ мя ныне въ пленъ, иноязычными воины на Русь, съ любимымъ твоимъ сыномъ, - съ тобою многа летъ ни нажившися. Увы и, мой животъ! почто рано заиде, а меня вдовою остави, а сына своего сиротою младенца. Увы, где лежиши тело твое, где тамо живеша, да иду къ тебе и живу съ тобою: се бо предается царица твоя врагомъ твоимъ, въ руке ненадеемымъ сопостатомъ нашимъ, людемъ Московскимъ, увы мне, убо единеи не могуще вратибитися силе крепости его, и не имею ныне помогающихъ мне, вдахся въ Рускимъ! Увы мне, - аще от та иного некоего царя въ пленъ сведома была, то яко бы единого языка нашего и веры единыя, пошла бы тамо, и безъ печали, - ныне, увы мне, мой царю милый, послыши горного моего плача, и отверзи ми темный свой гробъ, поими мя къ себе живу, и буди намъ гробъ единъ, тебе и мне, царская наша ложнипа и светлая полата! Увы мне, царю мой, не рече ли тебе большая твоя царица, яко добро тогда будетъ умерымъ и неродившимся, и се не збысть ся ли! Ты же ничего сего не веси, намъ же ныне, живымъ, горе и болезнь. Приими, драгый царю мой, юннуу и прекраснуу царицу, не погнушаша мене, да не буду лишена отъ тебе, и на землю чюжю не иду въ поругание, и въ посмехъ, и въ ынй чужой языкъ, незнаемья. Увы мне, господине мой, кто пришедши плачь мой утешить, и горки слезы утолить, и скорбь души моей возвеселить! Увы мне, милый царю Сапкирею, не отвещаеша ли со мною ничего же. Се при дверехъ, zde, стоитъ немилостивый воинъ, и хочеть мя поглотити, яко зверь дивый, - царица твоя бысть иногда, ныне же горкая пленница; и госпожа именовался всему граду Казанскому, ныне убогая идоша и раба! И за радость мне плачь и слезы горкия. постигоша мя, за царскую утеху сетование и болезнь и скорбныя беды обыдоша мя, и премолче гласъ мой ото многаго вопля!".

И на многа причиташа царица, и <ориг. рычаше>кричаша, лежаще у гроба на земли, яко 2 часа, убивающася, яко самому воеводе прослезитися, и уланомъ же, и мурзамъ всемъ предстоящимъ, плакаху горкимъ рыданиемъ. И приступиша къ неи царицы отроки. И поднята отъ земли мертву, и видеша открыто лице ея, - бе, бо, царица образомъ красна велми и въ разуме премудра, яко не обрестися такой лепоте лица ея во всехъ Казанскихъ женахъ и въ девицахъ, но и во многихъ Рускихъ. И како проводиша изъ града ея честно всемъ народомъ градскимъ, мужи и жены и девицы, на берегъ Казани реки, воюще горько по царице, аки по мертвой, и выведоша подъ руке ись колымаги, и обратися, и поклонися всемъ Казанцомъ. Народи же Казанскія все припадаша на землю на коленехъ и поклонение дающе ей, по своискй. Введоша ю во уготованны царскыи стругъ, - борзъ хождениемъ, подобень летанию птицъ, устроень златомъ и серебромъ, - и место царицыно посреди струга, теремець цклянъ доспеть, аки фонарь светель, златыми цками покрыть, въ немъ же царица сядяще, аки свеча горя, на все страны видя.

Съ нею же взя воевода 70 женъ и девиць красныхъ 30, добродородныхъ, на утеху царице; и положиша ю въ теремце, яко на царской постеле. Воевода же и велможи Казанскія сѣдоша по своимъ стругомъ. Предъ царицею же, впрѣди и назади, по обе страны стрелцы огненныя идяху, страхъ великъ дающе Казанцомъ, силно ударяюще ись пищалеи. Велможе проводиша царицу и обычныя Казанцы до Свяжска, и вси возвратитася въ Казань, тужаще и плачуща.

Казанцы раскаются, и, достигше царицу, отымуть у единого воеводы, многожды бо они изверишася, преступающе клятву. Царица же Казанская, егда поведена бысть къ Москве, горько плакашася Волгою, зряще очима на Казань и речъ: "Горе тебе, горе тебе, граде кровавъ, горь тебе, граде унылы! Уже, бо, паде венець зъ главы твоя, яко жена худая. Рабъ еси, а не господинъ. И преиде царская слава твоя и вся-вся скончася, ты же изнемогше падеся, аки зверь неимущи главы, аще бо Вавилонскія стѣны имель еси и Римскія превысокия столпы, то никако бы отъ царя отстоялся. Всяко царство царемъ мудрымъ здержается, а не стѣнами, а ратныя силныя воеводами крепкия бывають и бесъ стѣны. Увы мне, ныне возму птицу борзолетнуу, глаголюще языкомъ человеческимъ, да послеть отъ мене ко отцу моему и матери, да возвестить случышася чаду их! И лутчи бы ми пряти горкую смерть, нежели къ Москве

сведене быти, въ поругание и въ смехъ, и на Руской земли!». И хотяще ся царица сама убити, но не можаше - приставники брежения крепкого, и не можаше ю утешити, и до Москвы умилного плача ея

Во отпущение царицыне царь Шихалей седее на Казани царствовати и съ нимъ варварь 20000. Царь же Шахалей и, седе на царстве, и жити нача брежно, и пристави ко всемъ вратомъ граднымъ огненны стрелцы, и ключа градныя на всяку ночь поведе в себе приносить къ воеводе своему. А царевъ дворъ стражаху въ нощи по девять сотъ со оружиемъ, воеводцкого же двора по 1000. Казанцы же тчахуся всячески служити ему. Онъ же - не бояшеся Казанцовъ, что хоцетъ то и творити, Казанцевъ не слушаю, и суды у нихъ отъемляше, и своя поставляше. Казанцы же, видевше его дерзостно судъ творяща, не стерпевше отъ него, видяще многихъ своихъ разсекаемыхъ, яко свинья. Советъ ихъ уведавъ, что мыслять его убити, какъ его уловити и погубити, или жива съ царства згонити, къ царю и великому князю.

Не стерпе сему царь на долзе быти злому совету ихъ смертному на него: и паче лютеиша возъярися на нихъ. И уби по сведени царицыне числомъ до 700 велможъ великихъ, середнихъ, имения ихъ къ себе поялъ, коней стада и велбуды, и овецъ похищая, обычныхъ же людей простыхъ до 5000, мятежниковъ Казанскихъ, и всяческии смири ихъ, и горце ихъ поработивъ же. Рекоша въ себе Казанцы, яко у насъ владыцы приспели живы - всяко ихъ пригубилъ царь Шихалей, - и кои разошлись во орды, иные къ Москве, ови въ Крымъ, ови же въ Нагаи,- не бы аще одолелъ Казани царь Московский, и взялъ, аки пустое село и худое вдовичье.

Шихалей царь созва къ себе Казанцовъ на пирь, съ ними, и веселяшеся светло, 4 дни, испущая люди тихо и неведомо никому, въ Казань со всею силою своею, и посылая же по нихъ. И не дождался въ 5 день, и самъ выехавъ изъ Казани - аки мертвецъ ото ада испущенъ. А князь Чапкунъ утаися царя, остана въ Казани.

Казанцы же, межъ себя смеюшеся, тужащее по немъ, глаголюще, яко не быти на царстве нашемъ таковому мудрому и милостиву, и рядну. Князь же Чапкунъ повеле врата градныя затворити. И мятежниковъ и клятвопреступниковъ Казанскихъ до 700, и болшихъ воеводъ 90, железы оковавъ, преже поби<тых?>, къ Москве посла.

Казанцы же видевше надъ старейшинами своими, страхъ великий нападе на нихъ, по своихъ владыцехъ. Проклинающее сего, яко въ рукахъ нашихъ былъ!

Царь же скоро поиде къ Москве, и проводиша его все воеводы съ великою честью, а сами остана въ Свияжскомъ граде со всею силою своею. Казанцы же вскоре, того же лета, приведоша къ себе изъ Нагайския земля царя, именемъ Едегера Кансаровича, и съ нимъ волныхъ варварь 10000, качевныхъ, и тако нача царствовати. Шихалей же прииде къ Москве изъ Казани и ста предъ самодержцомъ. Самодержецъ о здраве спроси его и о воеводахъ, переча ему, яко не добре правилъ царство. И отвечавъ: «Мы есми раби твои здравыи. А что глаголеши, то есть неправда, ни вемъ сего, се бо составляша на мя врази мои, Казанцы, се бо, советъ даю ти, и аще мя послушаеши, раба своего, то самъ, царю, подвигнися на Казанцевъ, воеводами твоими не взята будетъ Казань. Казанския бо люди есть худыя, а въ ратномъ деле зело свирепы и жестоки». Царь же, сия слышавъ реченная отъ царя Шихалея про дело Казанское, яко вся о добре, несть зле въ немъ, ни воеводамъ вины о томъ не учини, - не ведая бо сотвориша се, искусиша бо ихъ Казанцы лестию, а князя Чапкуна самъ бе отпустилъ въ Казань. И тяжко сие вмени отвержение Казанцовъ отъ него, паче живота своего, и очи свои слезъ наполни, и глагола слово псаломское: суди, Господи, обидящая мя и возбрани борющая мя, приими оружие Свое и щить, и стани въ помощь мою, и воспрети гонящихъ мя, и рцы души моеи: спасете Твое есмь азъ.

Царь же Иванъ Васильевичъ Шихалея дарми многими одари, и отпусти его честно въ Касимовъ. И призываетъ къ себе въ великую полату златую братью свою, благороднаго князя, велможи: «Что ми отъ сихъ отвещаете?» И мало молчанию бывъ. И отвещаша ему братия, и вся благородныя велможи, яко едиными усты и единымъ гласомъ, веселиемъ сердца: «О, великий нашъ самодержецъ, побежай супостаты своя, и воля твоя буди, елико можетъ намъ Богъ, крепко имамы страдати нелестно за святыи Божии церкви, за тебе, самодержца, должны есми умерети!» Сия же слышавъ отъ нихъ, царь, великий князь, и возлюбилъ благой советъ ихъ и премудрыя глаголы къ нему. И рече: "Велми угоденъ ми бысть советъ и мудрыя любимыи мои думцы.

Глава 51.

И вскоре повеле всемъ княземъ и воеводамъ готовымъ быти на службу со всякимъ запасомъ, съ конми, и советъ и мудрыи. Раславъ же листы всея земли Руския воинству въ преименный градъ Москву, скоро собращася, яко отъ великого собрания не бе во граде места, преже своего хождения. И посылаетъ воеводъ своихъ съ ними 12, съ великою силою хъ Казани, Маия въ 9 день, двема рекама, въ лодияхъ и въ струзехъ: Волгою и Камою. Волгою же отпусти съ кормлею и со всякимъ запасомъ и зъ болшимъ стенобитнымъ нарядомъ огненнымъ; Камою же, сверху отъ Вятки зашедь, воевати полныя места и не двигомыя Казанския. По ней же приидоша воеводы съ Устяжны и съ Вятчаны, съ храбрми людми, и по Каме - Татарския и Казанския улусы месяцевъ преже пославшихъ воеводъ, и по двою месяцу по преже посланными воеводахъ, и оставляетъ въ въ свое место брата своего благороднаго князя Георгия.

А самъ царь Иванъ Васильевичъ входитъ во церковь и молитвы со слезами къ Богу простираетъ многия. Глава 52.

благословляся отъ пресвещенного отца своего, Макария митрополита, и отъ прочихъ архиепископовъ крестомъ и святою водою. Царь же приимъ святительское благословение, предъ народомъ Московскимъ на четыре страны до земля поклонися, и веля имъ о себе во святыхъ церквахъ Бога молити.

Глава 55.

И вседь на великаго кони своего и глаголаючи протчае: «Ревнуй, яко поревновахъ по Господе, Бозе моемъ, вседержителе!» - вси князи, и воеводы, и на коня своего вседше, яко высокопарныи орли, въ лето 7060-го, июня 2 день, въ первую неделю Петрова поста, въ 10 часъ дни, 22-е лето отъ рожения своего.

И по днехъ 10 преиде въ Муромъ царь, и царя Шихалея ись Касимова взялъ съ собою же, силы съ нимъ варваръ 30000. Урядивъ полки по достоянию, и поставляетъ есаульному <ертоульному?> полку, надо всеми благородными юношами князя Дмитрея Микулинского, и дасть ему Черкасъ 5000, любоискусныхъ вооруженныхъ и огненныхъ стрелець 3000, въ правой руке начальныхъ о вой постави Шихалея, и всехъ великихъ воеводъ 90.

Всего же бе тогда Руския силы число благородныхъ князей и боляръ, и великихъ воеводъ, и храбрыхъ отрокъ, и стрелець изученыхъ гораздо, и сильныхъ ратоборець и въ твердыя пансыри и въ доспехи оболченныхъ 300000, и огненныхъ стрелцовъ 30000, и въ ладияхъ рати 100000, и съ царемъ Шихалеемъ, и со царевичи князей и мурзь и казаковъ, къ нимъ же Черкасовъ 10000, и Мордвы 10000, и Немець и Фрягъ и Ляховъ 10000, кроме обышныхъ вои и конникъ и пешцовъ, возящихъ ратны запасъ, и техъ людей безчисленно много.

Поиде царь князь великий чистымъ великимъ хъ Казани, со многими, и языцы реченными, служащи ему: съ Русью и съ Татары, и съ Черкасы, и съ Мордвою, и со Фряги, и съ Немцы, и съ Ляхи въ силе велицей, тяжце зело, трети пути, на колесницахъ и на конехъ, водою въ лодияхъ до Свяжского. И отъ жажды водныя, исхоша бо вся реки полский. И где обрящут воду въ часъ единъ до суха исчерпають, другъ друга угнетающе и задавляюще, ини же росу лизаху. И стояша царь у Свяжска городка, стоя неделю, опочивая и отдыхая отъ великого шествия путнаго, сожидаяся вся воя своя.

Казанцы же услышаша приходъ царя и пожгоша сами посады вся около града, а сами седоша во градъ. И вси вои Руския приидоша къ царю все здравы.

Глава 58.

И тогда певъ молебны многи царь и повеле яртоульному полку за Волгу перевозитися въ ратоборныхъ лодяхъ, за нимъ же преднему полку крепко уготовльшимся. Тоже и самъ царь въ калатырь облекся, яко гигантъ, и златы шлемъ возложи на главу свою, тако же и вси воеводы, и полконачалницы. И начаша перевозитися на луговую сторону Волги-реки, Августа въ 15 день.

Царь Едигеръ изыиде ись Казани со избранными людми, съ пятию десять тысящами, при берегу реки стояша противъ русскихъ, хотя пострашити ихъ, яко да темъ воспряти ихъ. И сразишася на 3 <часа> ото обоихъ полковъ, обои нача битися. Не пуцають Казанцы ертоульного полка полкъ ко берегу,

вооружаются ярости. И людей от обою страну падоша, аки цветы прекрасны, и одолевають вои Руские, и побежа во градъ Казанцы, не путем. И переезжаху Рустии полцы вся по 7 дней, не боящися Казанцовъ.

Глава 59.

Самъ же царь превезеса, Августа въ 17 день, пришедъ подъ Казань и ста на Арскомъ поле со всею матицею, прямо града, за версту. И облегдаша Казань - вешняя аки вода по лугомъ разлися, и покрывшася ратию поли и горы, и подолия. И воеваху, и пленяху Казанскую землю, и, бысть, убиения человеческая <род.падеж> наполнися Казанская земля!

За согрешение же къ Богу Казанцовъ, лета того ни едина капля не бывало! За согрешение къ Богу Казанцовъ. Царь же и обехавъ около града, и смотряше стенныя высоты и мечь приступныхъ, и увидевъ удивися необычной красоте стень крепости града. Прежде бо приходилъ въ зимнее время, темъ и не рассмотривъ града гараздо, каковъ есть. Прележить бо къ нему съ востока поле зовомо Арское, велико и красно. По нему же течеть подъ градъ Казань река, на томъ же поле изливается езеро, Кабань именуемо, отъ града за три версты, и рыбу многу имущи въ себе на пищу человекомъ. Изъ него же истекаетъ Булакъ река, въ Казань реку подъ градомъ втекаетъ, грязна велми и топка, а не зело глубока. Съ полуднию же града, отъ Булака и до Волги обежахъ, красный лугъ Царевъ, на седмь версть продолжаютъ, травою многою зеленяся, и цветы краснея. Градъ же Казань зело крепокъ, трехъ сажень, и те бо места ратнымъ неприступны. И вода, двема рекама бы страну града обтекши, и въ едину реку у стены града слияся, еже есть Казань. И та река въ Волгу поидеть двема устьи за три версты выше града, по реце же той градъ словеть Казань. И яко крепкими стенами сограждень въ седмь, водами вкругъ обведенъ бе градъ, и токмо со единыя града, съ поля Арского, приступъ малъ, но туда стена градная была въ толстоту 7 сажень и прекопана около ея стремнина велия, глубока. И отъ сего Казанцы не малу себе притяжаша крепость, не бояхуся никого же, аще и вси царства околная совокупльшася востануть и подвигнутся на нихъ, крепокъ бо бе градъ ихъ.

Креплеиши же града сами бяху, имение велико имущи ратоватися въ бранехъ, и непобеждени бываху ни отъ коихъ же, и мало такихъ людей мужественныхъ-злыхъ.

И посылаетъ Иванъ Васильевичъ послы своя ко царю Казанскому, во фторы день прихода своего, глаголати съ любовию, и ко всемъ Казанскимъ велможамъ ко всемъ Казанцомъ: "Помилуй себя, Казанскіи царю, и убоися меня, видя пленения земля своя и губление многихъ людей своихъ, и предай ми ся доброволно, и служити ми, яко же и протчи царие мои служатъ ми! И буди ми, яко братъ, яко верень другъ, а не яко рабъ и слуга или смердъ. Тако же и вси людие Казанцы, помыслите въ себе, и пощадите животь свои, и предайте ми градъ вашъ доброволно, по любви, и безъ брани, и безъ кровопролития крови, вашия же и нашия, и не помяну злобы вашей! Честь отъ мене примите и отъ горкия смерти ныне избавитесь и скорыя! Отъ земля вашия отъ, по моимъ землямъ, не разведу, - его же вы боитесь, - и токмо оставлю у васъ дву или трехъ людей своихъ, а самъ прочь отоиду отъ васъ! И попустъ градъ свой оставите ми, - а сами идите куда хотите невозбранно, - и аще же глаголь моихъ не послушаете, то Бога моего помощию имамъ ныне градъ вашъ на щить взяти, васъ же всехъ безъ милости, и жены ваша, и дети подъ мечъ подклонити! И падете же и поперетеса, яко прахъ подъ ногама нашими, и не мните мя, яко играюща или пострашающа васъ, или яко всеу глаголюща, не имамъ бо оступити отъ васъ, ни до десяти летъ, не возьмеша градъ! Его же ради и самъ приидохъ азъ, неверующи моимъ посылаемымъ мною царемъ, княземъ и воеводамъ!".

Не хотяше бо царь князь великїи да проліется кровь ихъ безъ ума и безъ опасения его къ нмъ отъ него, но хотяше самъ преже собою и смиреніе явити имъ, по заповеди Спасове, яко всякъ вознесїися смирится, смиряи же падете на землю - вознесется.

Глава 61.

Царь же Казанскїи, слышавъ грозная словеса Московского самодержца, устращися зело, убоися, и хотяше отворити градъ, волею предатися. Но не чая добромъ умолити, ни выгтти, страхомъ грозя, препрети Казанцовъ, не взя бо власти великия надъ ними, яко царь Шихалей, и, яко новъ сы ему, еще обычая въ нихъ не ведаша. И не послушаша Казанцы совета доброго царева, и не внимаху словесе его. Онъ же вонъ прошашеса изъ града изыти, да волею его.

И во всемь слушаху князя Чапкуна, пословъ ж самодержцовыхъ отбиша отъ града зъ безчестно, лаявше жестокими словесы, глаголющи: "Ведом да буди Московский самодержецъ, тако глаголетъ царь и Казанцы: Да умремъ вкупе, и до единого же насъ, и зъ женами нашими, и зъ чады нашими, зде. Тебе же и такъ богату сущу, и много имущи градовъ и земель, у насъ же единъ столны градъ Казань, и той хочещи взяти у насъ!? И пришедь, яко силень намъ буди, и не мысли и не надейся лестию грозя, царства нашего взяти, уже бо познахомъ лукавство ваше! И не мысли себе никако же волею града нашего предати и до смерти всехъ насъ, и не видети бы намъ того, ни слышати, что Рускими людми, свинойдцы погаными, насилиемы обладаемы быти ими, и не хожемъ того что имъ владети!»

Глава 62.

Въ первую же ночь, егда хъ Казани прииде Московский царь и градъ облизеть, и виде сонъ страшень самъ Казанский царь: "Легшу слыти съ печалию и мало уснувъ, и видеши, яко изыде отъ востока месяцъ, малъ, темень, и пика ста надъ Казанию, другый же месяцъ, аки отъ запада изыде, зело пресветель и великъ, и пришедь надъ градомъ же ста, выше темного месяцъ передъ светлымъ. А пообетованъ и покрасяшеся, великий же месяцъ долго стоявъ, и, яко крылатъ, полете отъ места своего, и до другого, и удари собою темнаго месяца, и аки поглотивъ въ себе, и приять. И той въ немъ, просветлый той, великий же месяцъ испусти исъ себе, аки звезды, огненные искры во градъ, и сожде вся люди Казанския, и паки стояша надъ градомъ великий месяцъ, и паче возрасте, и поки боле первого сияюще неизреченнымъ светомъ, аки солнце".

Въ ту же ночь сеить Казанский сонъ же виде, яко стекошася мнози стада отъ разныхъ зверей и люте рыкающе, лвове же, и пардуси, и медведи, и волцы, и рысы, и наполнишася ими луги вся Казанския. Противъ же ихъ стекошася изъ града единосшерстни волцы, и почаша между собой битися, падша со различными зверьми, и въ часъ единъ изядени быша. Сей же - на утрие прииде къ царю, и поведаша ему сонъ свой, а царь свои сонъ сеиту поведавъ, и дивишася о снехъ своихъ.

И созва къ себе царь велможа Казанския, и премудрыя волхвы оба сна разсудиша и сказаша: "Темный месяцъ, худый, ты еси, царю! А светлый месяцъ - Московский царь, отъ него же ять будеши, а многообразные зверие - Руская сила". Царь и вси велможи слышаша ужасохуся и трепетаху, и сокрушася сердца своими, и не внимаху реченныя отъ волхвовъ. И царю не даяху ни въ чемъ, и бияхуся съ Русю, ны ко граду приступовъ делати. Русския же вои много всегда во град Казанцовъ прогоняша.

Воеводы же Московские, шедша, взяли въ десять дней великихъ же и малыхъ остроговъ 30, женъ и детей и самихъ Черемису, подъ мечъ клониша, и всякой рухляди и скота взяша безъ числа.

И не бысть падения воемъ Рускимъ ни у единого острования, но многи остроги отверзаючи и предавахуся. Но разве у единого толию 3 дни постояста, но и тутъ безъ падения. Зделанъ аки градъ твердь, и зъ башнями, и зъ боиницы, и живеть тутъ людей много въ немъ, и не бе взиманъ ни отъ коихъ же ратеи, стоить велми отъ Казани 60 верствъ, единемъ путемъ къ нему притти и отоити. Бе бо в немъ людей 15000 вой, и прикативъ пушки и пищали Русския воя начать бити. Князи же Арския, возопиша, и врата отверзоша, Богу вложилъ в нихъ страхъ, и разплениша ихъ Русь тако, и приведоша князеи Арскихъ. Царь, же возрадовашася зело, до времени бреши повеле ихъ.

Царь же и Казанцы, уведавше что острогъ ихъ, людей взятыхъ въ нихъ побежденныхъ и плененныхъ, - и въ недоумени бысть царь и Казанцы, покоритися ему не хотяху и противитися не можаху, понеже мало бе во граде въ осаде людей, только 40000 оружие носящихъ, сильныхъ бойцевъ, и всехъ до 50000 съ несилными. И не смеяше выезжати и битися с Росью, и седоша во граде въ осаду, надеющиися на крепость града своего и на многия кормля и запасъ, и пять тысячъ съ собою затвориша иноземскихъ купцевъ, Бухарь, и Шамахеи, и Хормы, и Армянъ, и Шамахинскихъ Турчанъ. Ведаху техъ огненному бою гораздыхъ, ихъ принудиша неволею исъ пушекъ бити по Рускимъ полкомъ, они же лестно и худо бияху, и ядра чересь воя пущающе.

Казанцы же нача прибирати высокорастлыя жены и девицы сильныя, и теми число наполняху, и воскладаху на нихъ пансыря и доспехи - яко юноша бияхуся дерзостно, но страшиво естество женское и мякко сердце ихъ х кровавымъ ранамъ и нетерпеливо, аще и варварско.

И нача Казанцы крепити градъ, и застениша вси врата граду каменiemъ местамъ. Царь же видевъ Казанцовъ неприклонныхъ, и осуди во острозахъ взятую Черемису всю на смерть предати 7000: инехъ около града на колия садити, а инехъ стремглавъ за едину ногу повешати, а инехъ за выя, онехъ же оружиемъ избиваху на устрашение Казанцомъ. И повеле воемъ ко граду приступати, и учиниша туры великия и земляныя и великия пушки близко прикатиша къ стенамъ граднымъ, а иныя постави по Казанке-реке по берегу, и по Булаку, до стеномъ граднымъ, и бити по стенамъ града со всехъ странъ изъ великихъ пушекъ, ядра имеющимъ въ колено и въ поясъ, паче же изъ огненныхъ стреляти день и ночь.

Самъ яздяше по полкомъ своимъ, и где понужая къ делу, дары имъ и почести обещава. И стенобитнии же боицы и огненные стрелцы со тщаниемъ великимъ, не лентяше и повеленна имъ творяху. И бяху отсюда по стенамъ безпрестани, тако же и поя конники и пешьцы ополчахуса, и вси крепко преступаху по вся дни, и брани силныя творяху, еже довлеетъ ратнымъ творити, и покушахуса силою взыти на стены. И не припушаху ихъ Казанцы, но крепце боряхуса, и крепко не можаху стояти на стенахъ, но збегаху зъ града, и западываху за стены, и напрасно ись наряду своего не стреляху, но готовъ заряжень держажу, ждуще ко граду великого приступа. Руския же вои мнози на стену вскакаху - избиваху зъ града и ись пушекъ великихъ и съ луковъ, и каменiemъ острымъ сбиваху ихъ Казанцы, и смолою, и водою кипящею в котлехъ, къ стене возливаху, и брани силны творяху, и крепцы бываху, смерти не боящеса и елико можаху и противляхуса, - и отбиваху прочь, и темъ ихъ отъ стены отгоняху, и мало убиваху воя Руския.

И отъ пушешного и отъ пищального гремяния, и отъ многооружного крежетания и звяцания, и отъ плача, рыдания градцкихъ людей, женъ и детей, и вопля, яко громъ и страшень зукъ далече, чуть за 300 верстъ, другъ зъ другомъ глаголетъ не чувють, и день летни яко бываше отъ огненного стреляния! И дванадесятию великими приступы ко граду приступаху вся воя Руская, и по 40 дней бяху день и ночь, ово тако, ово инако, - и ни въ чемъ же градъ не вредиша, но яко гора каменная, твердо стояше градъ и недвижима, позыбаяся и оттуду не поколебашася!

Глава 66.

Князи же и воеводы Московская, тако видевше неослабление Казанцовъ, и глаголаху самодержцу: "Видимъ, господине-царю, яко уже лето преходитъ и осень и зима приближается, а путь, а запасъ по Волге разбило. Да на что ся надеемъ, и откуда брашно возмемъ на люди бе? Подобно бо есть послушати насъ и оставити Казань, и на Русь возвратитися". И мало его не прельстити отти, но Богъ укрепи его, хотя Казань предати ему.

Онъ же рече имъ: "Да кая похвала намъ будетъ отъ всехъ языкъ Руский? Почто рано страшливы есте, ничасо же мало скорбная приемше? И кто не посмеетъ намъ, в такой силе приходящее начинающе и не совершающе? Азь же на себе единому прочу, но и всему миру обще!"»

И много глаголя имъ слаткия глаголы, и поклонися имъ. Они же укрепишася молениемъ его и учениемъ, и сократиша речи своя.

Глава 67.

Единъ бо царь Шихалеи и князь Семионъ самодержца укрепляху, втаи, наедине, никако же потачити воеводамъ, смущающимъ его и обленевающимъ служити, и не отступить отъ Казани, не взявше градъ. Онъ же слушаше аки отца Шихалея-царя, а князя Семиона аки брата, предлежаше крепчае всехъ - бо, больши Шихалей о Казани по старой досаде прилежаше.

Тако же и князь Семионъ, любимъ бе царю храбрости ради! Въ то же время у Казанцемъ и единымъ нечемъ выстрелити.

Глава 69.

И се, внезапно, тогда приидоша ко царю новохитренныя мудрецы, Фряги,сташа предъ нимъ и поклонишася до земля.

Царь же, видевъ ему взоромъ ихъ мудры они же, скажаша крепость града и непослабление Казанцовъ. Они рече ему: "Не печалуй, господи-царю, мы скоро и малемь деньми, аще волю подаси намъ, ото основания нїизложимъ градъ!»

Самодержецъ же, одаривъ ихъ попремногу златомъ и сребромъ, и светлыми портищи, и повелеваетъ имъ таковая вборзе творити. Хитрецы же со усердиемъ яшася по делу тому, глаголаху: "И аще не тако, или гладомъ выстояти его: то и не возьметься инако ничемъ же градъ сей!". И преже учиниша съ четырехъ странъ града башни 4 Фряжскихъ, съ тремя бои. Съ верхнимъ - огненныя стрелцы, переменныя, отгуду съ высоты, аки съ небеси во градъ, града хотещихъ, яко не смети Козанцомъ въ день по улицамъ соватися. И мосты чрезу рвы зделиша. И вскоре другому делу касаются, его же преже того никто же на Руси видалъ. И почаша нощию таино копати глу (sic!) страны глубоко зело - и неведущимъ Казанцемъ сего, отъ Рускихъ вои никому же, токмо воевода и делатели, но и ти укреплены, никому же изменниковъ ради льстивыхъ.

И техъ делателей же - единъ, воинъ полку царева, людъ (лют?) зело и неправеденъ, его же за злонравие не любляше сю прание, новохитренныя мудрецы и фряги.

И повели ихъ царь поставити предъ себя, фряги же сташа предъ нимъ и поклонишася ему до земли, видевъ же царь ихъ мудры и честнымъ взоромъ. Они же скажаша крепость града и многослабление Казанцевъ, и рече ему: «Не печалуйся, господине царю, мы скоро и малыми земли отъ основания низложим градъ», - не бойницы в земляныхъ норахъ живяще, отъ стреляния.

Глава 70.

Предо взятиемъ Казанскимъ бе некий отъ человекъ боярскихъ людей, у града лежаша, и сонъ виде яко надъ градомъ сияючи великий светъ и во свете томъ дванадесять апостоль стоящихъ. И сея прииде къ нимъ, и си прииде къ нимъ святитель, светомъ сияя, и поклонися передъ нимъ, глаголя: «И вселятся въ немъ правовернии люди». И обратишася на востокъ, и помолишася мало, и гласъ приде къ нимъ съ небеси, глаголя: «Се услышахъ молитву вашу», - апостоли же и святыи обратишася и благословиша место оно, и весь градъ, и невидимы быша. Возбудися отъ сна - и повеле отца духовного призвати, и поведаша ему вся, и всемъ ту предстоящимъ, самъ же причастився и умре.

Глава 71.

Иной же воинъ, двора царева, виде святого Николу, вшедша въ шатерь. глаголя: "Человече, и шедъ рцы царю, ему же ты служиши, да приступаетъ дерзновенно, нели сия, въ праздникъ пресвятыя Богородица, честнаго Ея Покрова: Богъ ему предаетъ градъ и противныя ему Срацыны". Той же воинъ, убудився отъ видения, никому же, и паки и же явися: Тебе зъ запрещениемъ рече ему: "Не мни, человече, яко ложъ видение се, но истинну тому глаголю: Постони скоро првдай!" Онъ же воставъ сказа самодержцу.

Глава 72.

Иныи же воины, благочестивыи человецы, видеша во сне во граде Казани старца - градъ и улицы и храмины метуши. И нецы ту светлыи юноши предстояще глаголаху ему: "Како, святыи Сергей, самъ сия твориши? Вели кому иному!". И рече ему святыи: «Заутра, бо, у мене гости будутъ zde, велицы, силныи!», - многия казанцы, по многи дни и нощи видяще, яве по граду ходящу, и градъ крестомъ осеняючи, иулицы очищающа. И каковая вся самодержцу возвестиша. Онъ же заповеда им, да никому же сихъ чудесъ поведають, дондеже милость Божия совершится, самъ же безъ престани въ тайне Богу молися.

Глава 73.

И объезжаше по вся дни. по-часту, полки своя, и укрепляя. Но паче васъ любити учну стоящихъ крепко за себе, и аще не покоритесь ми часа сего, уже все при кончине, и азъ о семь буду безъ вины у Бога моего. А вашъ лживыи пророкъ Махметъ не пособить, и прельщаетесь же веруете зле, не познавъше истинного Бога.

Глава 74.

Казанцы же ни то послушаху ихъ, но грозяху противу воздати: «Или десятижды хощещи слышати отъ насъ? - глаголаху, - Ни даровъ ихъ хощемъ прїяти, ни прещенїя ихъ боимся, Твори почто пришелъ еси. Аще бы къ тебе собравшеся тако силны пришли, то всю бы землю твою отъ конца до конца попленили, и не бы тебе дали много венца дати!» И укрепляхуся между собою глаголюще: "Не убоимся, о храбрїя Казанцы, страха и прещенїя силы Рускїя, аки моря бьющагося о камень волнами и аки леса шумяща отъ ветру, христіанскїя порода, меншими ся и украдшихъ у насъ благословенїе.

Глава 76.

И виде царь, князь великій, никако же покоряющїся ему Казанцевъ, къ сему же и грозящихъ еще. И возвиже пламень ярости своея изъ глубокаго сердца своего, яко левъ рыканїе страшно испусти. Избираетъ изо всехъ полковъ юношъ свиріпосердыхъ и крепкооружныхъ, полкъ великъ 100000 сильныхъ боицовъ, уготовляетъ техъ пешихъ къ приступу града, овехъ съ огненнымъ стрелянїемъ, овехъ съ копи и мечи, овехъ съ секиры, и съ мотыки, и съ лестицы, и багры, и со многоразличными хитростми градоемными - да преже всехъ полковъ поспешитъ избранный той полкъ, и на градъ злояростне нападетъ со устремленїемъ сильнымъ. Воеводъ же устави полка того князя Михаила Глинскаго, другаго же воеводу князя Александра Воротынскаго, - оба же те воеводы храбры и силны.

И уготовивъ полкъ той, стояти веле и ждати време. Всему же воинству отъ града отступить повеле, яко до поприща единого и бываемыхъ на готово стоя смотри, и весь нарядъ стенобитныи и пушки и пищали отдвинуги и места очистити, и егда учнетъ Богъ избранному полку помогати, тогда же темъ полкомъ всемъ на то же дело поскорити.

И повелеваетъ хитрецомъ во глубокия рвы, въ подкопныя, подъ крепкія стѣны Казанскїя бочки со огненнымъ зелиемъ подкачивати. Бе бо тогда день той суботны, празникъ же Владычице нашея Богородицы, честнаго Ея Покрова. И уже дни суботному мимошедшу, освѣтающи же дни преславному Христову Воскресенїю, вонже всемирная радость, на память святыхъ великомученикъ Кипрїяна и Устинїи, у себя же царь князь великїи рано воставъ заутра, до зори, въ церкви повеле прозвїтеромъ своимъ певцемъ заутренняя пенїя сотворити, по отпении же заутренней, въ той же часъ и молебная пети повеле ко Господу нашему Иусу Христу, и ко Пречистой Богородицы, и ко всемъ святымъ небеснымъ силамъ и великимъ чудотворцомъ Рускимъ, и всемъ святымъ, и на солнечномъ восходе литоргею служити. Непрестанно же самъ о землю меташеся, и главою бияшеся, и въ перси своя часто руками ударяше, и захлипашеся, и слезами весь обливашеся! Съ нимъ же и вся земля Руская испусти вопли безгласны ко всесилному Богу, исполняема неповинными кровми: "Да не воще будутъ труды его и великій подвигъ подытя его, и да не возратится второе самъ пришедъ и посрамленъ отъ града Казани, и да не будетъ въ послѣдни смехъ, во уничиженїе Казанцомъ и всемъ окрестнымъ врагомъ его, живущимъ около державы его, и да не будетъ лишень отъ желанїя своего! И отверзи очи Свои, Боже, види злобу поганыхъ варваръ, и ущедри закланїя рабъ своихъ, и судъ издаси на окоянныхъ горекъ, яко же они воздаша вернымъ людемъ Рускимъ!".

И отпевши молебная, и литоргею прозвїтеромъ его служившимъ, и покаяся онъ у духовнаго отца своего, и причастився пречистаго тела и животворящая крови Христа Бога нашего, тако же и вси князи и воеводы и воины мнози въ станехъ поновившеся у отцехъ своихъ духовныхъ, причастишася пречистыхъ Христовыхъ таинъ, и приготовишася чисти къ подвигу смертному приступити!

И тогда благоверны царь вседъ на конь, моля и наказуя воеводъ и воя своя, съ плачемъ, кланялся имъ до златого своего стремени ноги своя.

Глава 78.

Наказа же крепко воеводамъ и полкочначалникомъ, да готови будутъ все къ приступу, егда возгласятъ бранныя трубы, и пушечники и конники. И повелеваетъ хитрецомъ подъ стѣнами во рвехъ глубокихъ зажигати свирепое зелие огненное. Самъ же на молитву къ Богу обратися со слезами; и самъ стояше, весь вооруженъ въ златыя браня, и ожидая милости Божїя.

Казанцы же видевшѣ со стѣнь града своего, яко отступиша воя Руская, бе, же Казанцовъ на стѣнахъ града 20000, иже брань творяху Рускими. И начаша Казанцы жертву приносити скверному, жребца и

юнца приводяше, закалаху на жертву, поюще и клянущу, и укоризны велики даючи Рускимъ людемъ воемъ, и погаными свинойдцы называюще.

Глава 79.

И егда зажжено бысть огненное зелье въ ровехъ, священнику же чтущи святое евангеліе и конецъ того возгласившу: "И будетъ едино стадо и единъ пастырь!". Въ той часъ - возгреме земля, яко великие громъ, и потрясся все то место, идеже стояша градъ, и позыбашеся стены градныя. И в мале весь градъ не паде отъ основания. И вышедъ огонь и подъ громадныя стены, и соидеся во едино место, и возвысися пламень до облакъ возходяще, шумящъ, и клокочущи, яко и Рускимъ инемъ смутитися отъ страха бежати, и прорва стены градныя, прясло едино, а въ другомъ же месте, отъ Булака саженой зъ десятокъ, и таиникъ подня, и отнесе на высоту великое дровие, на высоту съ людми, яко сено и прахъ ветромъ! И относя чрезъ воя Руския, и меташе въ лесе и на поле далече, въ 10 версть и 20 версть, и Божиимъ бжежениемъ не уби ни единого же Русянина.

Поганыхъ же Казанцевъ всехъ, овие древиимъ подави, а овехъ дымомъ задуши, овехъ же огонь пояде. А внутрь града, отъ страха сильного грянутия - омертвеша, и падоша, чююще подъ собою земли погрязнути, и быша безгласни, и долго лежащее на земли, яко пьяни. И вся мудрость ихъ поглощено бысть, и обратися имъ плачь и сетование.

Глава 80.

Видевше же все бывшее царь и воеводы. И вострубиша въ ратную трубу благочестивый царь, хотя мужество показати, но удержаша его князи и проговориша.

И пусти ко граду преже, впреди великий полкъ, за великими щитами деревяными, великия туры подвигнуша ко стенамъ граднымъ, дотоле, яко воемъ взыти съ нихъ на стены проломныя, полкомъ всемъ не веле поспешити, да не поядение ради, теснения людемъ будетъ.

Самъ же самодержецъ, зъ братомъ своимъ и Шихалеемъ, и стояше, и смотряше издалеча. Воеводы же - и единымъ часомъ деветеры врата выломиша, и во градъ внидоша, и путь сотвориша воем Рускимъ, и знамя вознесоша на градной стене поставиша, отъ огня градъ отняша.

Съ некихъ Казанцовъ отыде смертный часъ и страхъ великой, и охрабришася, стаха во вратехъ и у полыхъ мествъ, сняшася съ Русью сечемъ великимъ, крепце сецахуся, яко звери. И ту въ Муралевыхъ вратехъ убиша храброго воеводу князя Семиона Микулинского, брата же его, князя Дмитрея, со стены убиша, и вои паде съ нимъ 3000.,.

И погнаша Казанцовъ въ улицы и во градъ, биющесь и секущесь, и уже полонъ градъ Рускихъ людей. Но не можетъ малъ пламень противитися велицей беде, но скоро угасаетъ, сиче же, ни Казанцы много не могоша противитися, толикого множества Рускихъ вой!

Глава 81.

И начаша бегати Казанцы сюду и сюду по улицамъ граднымъ, яко морская вода ветромъ колебашася, глаголюще: "Иже несть было такотныхъ людей ни во всехъ земляхъ! О како падоша силныи Казанцы отъ Рускихъ людей. О горы, покроите насъ, или где сокроемся отъ злыя Руси? Приидоша бо къ намъ гости немилыя, и наливають намъ пити горкую чашу смертную! И где есть ныне князь сильный Чапкунъ? Горе намъ, буимъ, покушающемъ злаго совета его! И се исчезаемъ! Лучше было послушати царя своего, не презрете, и Московского самодержьца встретити, изшедши зъ женами нашими и зъ детми, да предатися ему, да токмо живи были вси и красны светъ вси видели, и работали бы ему съ великою правдою и верою". Ови же отъ нихъ, жалостне рыдающе, на воздухъ гласъ воспущаху.

Моление и смирение Казанцовъ. Глава 82.

"Милостивъ буди намъ", - вопияху, - "Самодержче Московский, и прости намъ всего нашего зла и беззаконія нашего, и не помяни, много бо лукавствовахомъ, и неправды творихомъ отцы наши ко твоему отцу, и деды наши и прадеды къ дедомъ твоимъ и къ прадедомъ, тако же и мы ныне къ тебе и

болша сихъ, докуду бо ростяша ты, и тогда тебе многа зла сотворихомъ, пленяше и губяше землю твою, во свою волю, отъ единого сы изменами и лесцы полаты твоя, всегда норовящихъ намъ, и емлющи оттого у нас дары великый, потому же и супротивихомся тебе много, и лстяхомъ, и льгахомъ по ихъ научению, и служити волею своею и поработатися не хотехомъ тебе, тако суцу и велику царю и богату, ему же много царства и земли подлежахуть безчисленны, дани приносяще, и князи и самодержавии работаютъ ему, и волный цари служатъ, повинувшеся, паче многихъ царей славою и силою и богатствомъ превосходящему, ему же точныхъ во вселенней не обретаеся! Мы же ныне самоволиемъ слушавше князя Чапкуна, твоего же милосердия не послушавше, и се ныне преклоняемъ выя своя подо оружия вой твоихъ, и погубляемъ безвременне, и лишаемъ всеу живота нашего, и красного света сего избываемъ, умирающе не по закону нашему, нази лежащеся безчисленно, поругаеми предъ очима твоихъ людей, непогребаеми въ землю!.. И что много речемъ? По истине, бо, и по правде твоей погибаемъ вси мы отъ тебе, самодержце великый, за высокоумие наше, и безвере, и лукавствие, и злобу! Когда бо ты родись отъ матери твоя, мы о тебе осмотрихомъ тогда, и погибель свою узнахомъ, и волхвы наши преже рожения сего часть его поведаху намъ, яко хочеть родитися на Руси царь силенъ, и возмятетъ многими странами и царствами многими одолеетъ иноязычными, и никто же отъ царей нашихъ Срацынскихъ и королей Латынскихъ возможетъ противитися, ему же кто и постоитъ, но вскоре побежденъ будетъ! Имать же и наше царство взяти, и насъ всехъ погубити огнемъ и мечемъ!» И плакаху Казанцы плачемъ великимъ, раздирающе въ тугахъ на себе ризы своя, и обнимаючи отцы сыновъ своихъ, матери же чадъ своихъ, и проливаючи слезы горкия. "Увы!", - вопіяху, - "Пагубы различныя нашей отъ васъ. Не молихомъ ли отъ васъ, чадъ, не плакахомъ ли: Помилуйте старости наша со юностию вашею, и сосецъ воздоивъшихъ васъ устыдитесь, - и несть въ васъ милующихъ насъ, не слушающихъ, - и не збысть ли ся сие"?

Слышаху же отъ Рускихъ вой мнози умилная въ рыдани словеса мужъ и женъ Казанскихъ, знаючи языку ихъ. И покивающи главами своими, плеваху, и проклинаху мирская зачатия ихъ змииная, и аспидова рожения. И, донесошася плачь ихъ по уши самодержцу, - забывъ злобы ихъ, и рече: «Шедшее, рцыте сотникомъ и тысящникомъ, да уимуть воя!» - И не мошно уняти, ни ярости утолити! И повелевающихъ отъ брани престати - язвиша до смерти, состизаючи немилостиво ихъ, мечи разсекаху, аки свиней, и сами убивающе ся.

Глава 83.

Казанцевъ же собрася 3000 храбрыхъ. И седоша на кони своя, и прорвашася сквозе врата, и надеющися на крепость рукъ своихъ, и хотяше пробитися сквозе Рускихъ полковъ - убежати въ Нагаи. И скочиша, аки зверие во осоку, и окружи (их) Руская сила, и осыпаша аки пчела. Стояти на поле два воеводы противу вратъ, и многихъ отъ вой убиша, и сами ту падоша

И быша яко горы побитыхъ Казанцовъ, въ пленъ сведоша многихъ женъ, красныхъ девиць, овехъ же крестиша, въ жены себе пояша; взяша собе безчисленная многа злата, и сребра, и жемчюгу, и камня драгаго, и светлыхъ портищъ, имъ же несть числа.

О зымании Казанского царя и о прилогатае Московскомъ. Глава 85.

Некый же воинъ вооруженъ иде въ мечеть Махметову, идеже нечестивыхъ царей Казанскихъ погребаху. И разби оружиемъ своимъ двери мечетныя, и влезъ въ ню, и виде по стенамъ запоны драгия, усажены жемчюгомъ и камениемъ драгимъ, по единой стране храма того до верха наставлено, по другои же стране женъ красныхъ и девиць - числомъ ихъ до 1000 в драгихъ ризахъ, и среди мечети самъ царь Казанский, въ желе и въ худыхъ одеждахъ, и плачуща, и прахомъ главу посыпающу, да не познанъ будетъ отъ Рускихъ вой, хотящи нощию убежати у нихъ изъ града. И 12 ереи нечестивыхъ предъ нимъ на земли же ницаху, и молитву же творяху, и около царя 30 князеи вооруженныхъ стояху. Воинъ же той Русинъ, остави то все въ мечете грабити, со инеми же доскочи на царя, а иныя на жены устремишася, и хоте всехъ смерти предати, не ведая, яко царь, худыхъ ради одежде. Князи же царевы возопиша и Рускимъ языкомъ: «Се бо есть царь Казанский, а мы рабы его, - сведите насъ живыхъ ко царю вашему и вы отъ него честь примете!».

Онъ же повергше оружия своя - бе бо заповедано отъ царя: никако же убити Казанского царя, но жива взяти, - иереемъ Махметовыхъ всехъ побиша, и князей всехъ перевязаша. И взяшу царя честно отъ земли, и посадиша на конь свой, князи же сильныя идяху около ногъ царевыхъ, и друзи же около царя

идяще, оружием своим машуще, и разбиваху воя, да никто же приблизится. И многих уязвиша, хотящих отнять. И приведе въ станъ къ самодержцу, не веле его пушати на очи къ себе: «Отдати князю Дмитрею Палецкому», - и наказа воеводе словесы утешати царя, и не печалети, и блюсти его величествомъ, да точию не убежить или себе не убиеть, князи же его, железы перековавъ, держати, воина же, приведшаго царя, и друзи его сребромъ и златомъ одаривъ, и светлая портища.

И повеле благочестивый царь воеводе у царя Казанского допросити - аще кто къ нему, или хъ Казанцомъ, отъ воеводъ Московскихъ переветъ. Царь Казанский грамоту скоро далъ воеводе - Юрья Булгакова его руки писание. Воевода же то предъ самодержцемъ прочеть. Онъ же разгневався зело, и испытавъ его, онъ же повинися и по цареву велению воеводе повеле его по хрепту разсечь на дво, яко да и прочіе видевшие накажутся. И лежа три дни непогребень.

Глава 86.

И скончавше сечь, и воплю, и улегшуся мятежю, и повеле царь великим мудрымъ горазднымъ сметити число побитыхъ Казанцовъ и сочте: "Боле 190.000 побитыхъ Казанцовъ мужей и женъ, кроме плененныхъ, есть же нечтимо боле того".

Самодержецъ слышавъ позыбавъ главою своею. Рускихъ же вои сочтоша побитыхъ, во всехъ приступехъ 15355. И повеле царь чистити царевъ дворъ, и улицы все, и площади, и побитыхъ Казанцовъ трупія вонъ изъ града вывозити и далечь въ пусто место.

Глава 87.

И егда исчистиша градъ Казань, со всею силою, предъ нимъ шедшее со кресты, и приехавъ на великую площадь къ цареву двору, и ту слезе съ коня своего, чюдяся; и павъ на землю благодаряше Бога. И повеле пети молебны, и со кресты ходити, и вниде въ полаты златоверхия, и узре цареву казну и повеле переписать и печатію своею запечатати, и постави воеводу стеречи со стрельцы огненными. И осветиша воду, и благословиша крестомъ все воинство, и святою водою окропиша по всему граду и по улицемъ и по домамъ и тако святымъ обновленіемъ обновиша градъ.

И разрушенная места и зделате повеле царь всемъ воеводамъ и воинству на рамахъ своемъ лесъ носити. Самъ же самодержецъ преже рукама своима древо секирою посече и отъ леса на раме своемъ донесе, и во единъ день созда храмъ соборный, Благовещенія Богородица, на месте красне, на площади, и иные многия церкви воздвигнуша.

И поставиша архиепископа перваго Гурия на Казани. <вероятно вставка в списке>

Глава 91.

Царь же посылаетъ скоро со вестью къ Москве преже себя, шурина своего, Данила Романовича, ко брату своему ко Георгію, и ко отцу своему святейшему Макарию митрополиту, и ко царице своей Анастасеи, поведати царское свое здраве и князеи и воеводъ и про вся воинство свое, и како взя Казань и самого царя Казанского изыма.

Прииде же вестъ къ Москве Октября въ 9 день. Благоверный же князь Георгій и приосвещенный митрополитъ, услышавъ сия, и вскоре текоша въ соборную церковь и со епискупы, и со всеми прозвитеры, повелевше у всехъ церквей звонити, молебны пети.

Глава 92.

Благоверный же царь пребысть въ Казани дни 15. И остави в Казани въ свое место 2 воеводъ князи Олександра Горбатова, да князя Василя Сребряного, да съ ними 60000 вой, а въ Свияжскомъ два же боярина князя Петра Шуиского и боярина Бориса Салтыкова, и съ ними 40000 вой. Самъ поиде въ лодияхъ къ Москве Волгою, со всеми своими силами Рускими, съ многою славою, и со многимъ богатествомъ, и ведяше царя Казанского, и многихъ съ нимъ улановъ и мурзь и князеи Казанскихъ зъ женами и зъ детми.

И приближающимся къ Москве, и отпусти воеводъ преже себя, да с нимъ царя Казанского и весь пленъ Казанский въ полку велицемъ до 50000 вой. И тако изыдоша, въ стретение противо царя князи, и вельможи, и вси стареишины града, богатыи и убози, и съ ними же купцы иноземцы; въстретиша за 11 версть, иньи 5 версть, иньи 3 версть, вси поклоняхуся ему.

Онъ же, на обе страны поклоняшеся народу, да вси людие насладятся, видяще его, бяше бо ополченъ во весь царский санъ, и многи ту видеши дивляхуся. Митрополить Макарий встрече со всемъ соборомъ у Фроловской башни.

Глава 95.

Самодержецъ и поклонися до земля митрополиту со страхомъ, яко отъ Божиихъ устъ, наказаніе отъ него приемлетъ. И многу, того дне, милостини подаль нишимъ и къ монастырехъ старцомъ и старицамъ. Царица же христоролюбивая Анастасия уготовяся царя самодержца, по царскому обычаю на преддверии полатномъ съ княгини, и зъ болярыны, и радостны бывши лепо другъ о друге и отъ радости слезы изпущаху.

Глава 96.

И тогда повеле благоверный царь по 40 дней пиры творити и преосвященного митрополита Макария и на весь священный соборъ, на священниковъ и на дьяконовъ со всего града Москвы, и на всё воинство, князи и воеводы и бояре и вельможи. Довольно веселящуся и воспомяну о Казанскомъ царе, въ заключени сидящу, и посла къ нему самодержецъ рече свое: "Да аще проклянетъ веру Махметову и веруетъ въ ратовоздержании сего, и приметъ честь и славу, и будетъ братъ любимы, а не яко пленникъ мой!». Онъ же восхоте веровати в Рускую веру, благоверный же царь повеле его къ себе привести.

Глава 97.

Ведену бывшу ему страхомъ и трепетомъ одержимъ царь Казанский и вступаетъ въ цареву полату, и встретиша его князи и воеводы, онъ же слезы роняше ото очию своею, и мощася быти христьянинъ, и воеводы, видящее его, прослезилася, зрящи его обругана стояща. Благоверный же царь повеле, аще истинно и нелестно веруетъ во Христа, царь же крепляшеся стоя, и неложно обещаюся веровати и креститися.

О крещени Казанского царя, и о чисти, и о любви къ нему царя и великого князя, и о царе Шихалее, и о царице Казанской и о сыне ея. Глава 98.

Царь же князь великій, слышавъ отъ Казанского царя Едегера Касаевича истинное слово и обещание его, и радъ бысть велми, паче всеа Казанскія победы; - радость бо бываетъ всемъ ангеломъ на небесехъ о единомъ грешнице кающемся на земли - и повеле одежду сняти съ него, и мыти его въ бане отъ скверныхъ, и облегли его въ рызы своя. И сести ему повеле близъ себе, и пировати. И по пятихъ месяцехъ крести его, и нареченъ бысть во святомъ крещени Семионъ, и братомъ его назва себе, и далъ ему грады земли, и всю царскую казну отдасть, зане у него взялъ, еже въ Казани взять.

Царица же Казанская, преже пленена, жена Сапкирея, царя Казанского, не восхоте крестися. И отдана бысть за царя Шихалея, аки замужъ. А царевича, сына ея, крестиша, и нареченъ бысть во святомъ крещении Александромъ, и изученъ бысть Руския грамоты гораздо, и препираше многихъ на беседе стязующихся съ нимъ, и никто же можетъ претися съ нимъ.

Взять же бысть столный градъ Казань благовернымъ царемъ и великимъ княземъ Иоанномъ Васильевичемъ, всеа Руси самодержцемъ, въ лета 7060-го, Октоврия въ 2 день, въ 3 часъ дни, много подвизався. И тако взята бысть Казань. Двою самъ государь приходиль, двою Шихалея посылалъ, и имель при немъ Казань и до 7-го... Избитыхъ Казанцовъ, и съ Черемисой, во всехъ бояхъ и приступехъ - по взятии Казанскомъ, 757000. Слава совершителю Богу!